

Прекрасная Юнона

Автор:

Стефани Лоуренс

Прекрасная Юнона

Стефани Лоуренс

Империя любви – HarlequinРегентство #4

Мартин Уиллисден, пятый граф Мертон, знаменитый повеса и ловелас, возвращается в Британию из колонии на Багамах. По пути из родового поместья в Лондон он вызволяет из рук похитителей прелестную молодую женщину. Не имея возможности узнать имя незнакомки, заинтригованный и очарованный граф Мертон называет ее «прекрасной Юноной». Во время этого невероятного и по тем временам совершенно скандального путешествия между ними вспыхивает симпатия. Чтобы не скомпрометировать леди, Мартин вынужден расстаться с ней в лондонском предместье. Он теряет след незнакомки, но спустя некоторое время судьба снова сводит их вместе. Взаимный интерес перерастает в глубокое, сильное чувство. Граф Мертон делает предложение возлюбленной, однако в результате происков недоброжелателей Юнона вынуждена отказать ему. Однако Мартин не из тех, кто согласен уступить. Он готов на все, лишь бы добиться своего и сделать счастливой прекрасную Юнону.

Стефани Лоуренс

Прекрасная Юнона

Роман

Глава 1

Мартин Кэмден Уиллисден, пятый граф Мертон, решительно шагнул по коридору второго этажа Эрмитажа – своей фамильной загородной резиденции. По хмурому выражению его лица каждый, кто его знал, мог догадаться, что он не в духе. Как говаривали в седьмом гусарском полку, если на лице майора Уиллисдена появляются хоть какие-то эмоции, дело плохо. А сейчас отставной майор Уиллисден считал, что у него есть все основания для того, чтобы прийти в бешенство.

Его отозвали из весьма приятного изгнания на Багамах, вынудили оставить самую восхитительную любовницу из всех, которых он знал. И все ради того, чтобы, ступив на землю туманного Лондона, он оказался лицом к лицу с необходимостью бороться за сохранение семейного состояния, которое в результате полного небрежения пришло в ужасающий упадок. Старший Метьюс из фирмы «Метьюс и сыновья» предупреждал Мартина, что Эрмитаж в его нынешнем виде едва ли оправдывает его ожидание. Но граф думал, что это лишь уловка, попытка старика заставить его поскорее вернуться в Англию. Майору следовало помнить, что Метьюс не имел привычки преувеличивать, скорее наоборот. Мартин поджал губы, и взгляд его серых глаз сделался еще мрачнее. С Эрмитажем дело обстояло даже хуже, чем с семейными капиталовложениями, в попытке реорганизовать которые он провел последние три недели.

Граф продолжал идти по коридору, как вдруг его задумчивость нарушил резкий хруст. От неожиданности Мартин остановился и опустил взгляд на пол. На полу не было ковровой дорожки! Одни лишь голые доски, да и те не слишком хорошо натертые.

Взгляд его серых глаз медленно поднялся выше, остановившись на потемневших отваливающихся обоях, обрамленных выцветшими, пахнущими плесенью драпировками. В коридоре царил пронизывающий холод. Мартин окончательно помрачнел и, проклиная все на свете, мысленно добавил смену обоев и драпировок к списку дел, не требующих отлагательств. Если ему суждено снова посетить Эрмитаж, пусть лишь на один день, этот дом необходимо привести в порядок, подумал он.

Отбросив в сторону досаду и раздражение, он, собравшись с силами, двинулся в сторону покоев вдовствующей графини. С того самого момента, как восемь часов назад Мартин прибыл сюда, он откладывал неизбежную встречу с матерью под предлогом того, что ему необходимо ознакомиться со всеми напастями,

обрушившимися на его семейное гнездо. Теперь Мартин осознал всю серьезность положения. Однако он принял все необходимые решения и твердо держал в руках бразды правления.

Тем не менее его ожидания, связанные с предстоящей встречей, выглядели совсем не так очевидно. Мартин с удивлением обнаружил, что так и не смог справиться с неуверенностью.

Сколько он себя помнил, его мать, леди Кэтрин Уиллисден, графиня Мертон, терроризировала всех домашних. Судя по всему, единственными, кто оказался ей неподвластен, были его отец и он сам. На отца ее деспотия не распространялась изначально. Мартину повезло меньше.

Граф остановился перед простой деревянной дверью, ведущей в покои графини. Как бы то ни было, она его мать, напомнил он себе. Мать, которую он не видел тринадцать лет и которая осталась в его памяти как холодная, расчетливая женщина, в чьем сердце для него никогда не находилось места. Какая часть вины за упадок его родовых поместий была за ней? Мартин знал, насколько мать эгоистична, и этот вопрос занимал его. Собственно говоря, были и другие вопросы, в том числе и тот, как она отнесется к нему теперь. Ответы ждали его за дверью.

Почувствовав, как инстинктивно расправились плечи, что вошло у него в привычку в армии, когда он входил в кабинет своего командира, Мартин скривил губы. Отбросив сомнения, он поднял сжатую в кулак руку и постучал. В ответ послышалось отчетливое повеление войти. Он повиновался и распахнул дверь.

Остановившись на пороге и опустив ладонь на дверную ручку, он с привычным бесстрастно небрежным видом быстро оглядел комнату. То, что он увидел, позволило ему ответить на некоторые из его вопросов.

Высокая, прямая фигура в кресле перед окном показалась ему крупнее, чем он помнил, она, пожалуй, была более костлявой. Волосы матери заметно поседели. Но она по-прежнему излучала ту же спокойную уверенность, которую так живо сохранила его память. Только вид скрюченных рук, бесцельно лежавших на коленях, да странная неподвижность, насторожив Мартина, сказали ему правду. Ему уже сообщили, что у матери ревматизм и она не выходит из своей комнаты. Но он решил, что это обычная реакция светской дамы на сравнительно

небольшое недомогание. Теперь он своими глазами видел реальность. Его мать была прикованным к своему креслу инвалидом.

Внезапно Мартина с болезненной силой охватила жалость. Он помнил эту женщину активной и подвижной. Лучше всех из их семьи она ездила верхом и танцевала. А потом его взгляд наткнулся на ее глаза, серые, холодные и, как всегда, смотрящие высокомерно. Только теперь они смотрели на него с еще большим неприятием, чем когда-либо раньше. Мартина вдруг осенило, что его жалость – последнее, что согласилась бы принять от него мать.

Несмотря на самый настоящий шок, лицо Мартина оставалось непроницаемым. Он не спеша закрыл дверь и прошел в комнату, на мгновение остановив взгляд на округлившимся от удивления глазах еще одного обитателя этой большой гостиной – вдовы его старшего брата, Мелиссы.

Сидя в своем кресле с высокой спинкой, Кэтрин Уиллисден с невозмутимым видом смотрела, как к ней приближается ее третий сын. Ее губы сжались при взгляде на его высокую, сильную, но вместе с тем изысканно-элегантную фигуру. Когда Мартин подошел ближе, луч света упал на его лицо. Острый глаз матери мгновенно уловил под этой элегантностью твердость и беспощадную решимость, а главное, плохо скрываемый светскими манерами гедонизм – главную черту его характера, как искренне считала леди Кэтрин.

И вот Мартин стоял перед ней. К ужасу графини, он потянулся к ее руке. Ей следовало бы остановить его, но она не смогла. Гордость заставила удержать в горле слова, готовые сорваться с ее губ. Сильная, теплая рука сомкнулась вокруг ее шишковатых пальцев. Но это неожиданное ощущение тут же исчезло, сменившись внезапным волнением, когда его темная голова склонилась и она почувствовала прикосновение его губ к своей морщинистой коже. Мартин бережно положил ее руку назад на колени и прилежно поцеловал мать в щеку.

– Мама.

Это слово, произнесенное резким и более низким, чем она помнила, голосом, вернуло леди Кэтрин к реальности. Она быстро сморгнула. Сердце забилося чаще. Смешно! Она, нахмурившись, уставилась на сына, стараясь придать своему взгляду ледяное спокойствие. Легкая улыбка, промелькнувшая на его губах, говорила о том, что от него не укрылось ее замешательство. Однако леди

Кэтрин не утратила решимости подчинить сына своей власти. Она сможет и непременно добьется того, чтобы он никогда больше не посмел стать источником скандала.

– Если не ошибаюсь, сэр, я велела вам явиться ко мне без промедления, как только вы доберетесь до Англии.

Ничуть не обеспокоившись по поводу ледяного взгляда матери, Мартин подошел к пустому камину. Его черные брови поползли вверх, изображая вежливое удивление.

– Разве мой секретарь не написал вам?

Светлые глаза леди Кэтрин гневно сверкнули.

– Если вы имеете в виду записку от мистера Уезеролла о том, что граф Мертон занят, принимая дела, связанные с наследством, и посетит меня при первой же возможности, то я получила ее, любезный мой! Но я хочу знать, что все это значит. И почему, если вы наконец соизволили явиться сюда, вам понадобился целый день, чтобы дойти до моей комнаты?!

Наблюдая несомненные признаки ярости, исказившие лицо матери, Мартин боролся с соблазном напомнить ей о своем титуле. Он не ждал, что разговор будет приятным, но теперь мать почему-то не казалась ему такой отстраненной и враждебной, как раньше. Может быть, физическая слабость придавала леди Кэтрин больше человечности?

– Скажу лишь, что дела Мертонов оказались несколько хуже, чем я думал, – с невозмутимым спокойствием обратился Мартин к матери. Он поставил обутую в сапог ногу на медную решетку и облокотился на украшенную богатой резьбой каминную полку. – А теперь, когда я наконец смог уделить вам некоторое время, оторвав его от всех этих треклятых дел по вступлению в наследство, может быть, вам будет угодно сказать, зачем вы хотели меня видеть?

Сознательным усилием воли леди Кэтрин постаралась скрыть свое изумление. Ее поразили не столько слова сына, сколько тон его голоса. Все милые, легкие нотки, звучавшие в нем с юности, исчезли без следа. Их место заняла глубина с большой долей жесткости, жесткости с властным оттенком, который едва

скрывала светская любезность.

Леди Кэтрин внутренне вздрогнула. Мысль о том, чтобы оказаться под пятой у повесы-сына, казалась ей смехотворной. Мартин всегда отличался дерзостью, но он никогда не был глуп. Теперь, когда он так ясно выражал свое отношение к ней, настало время оставить прежнее высокомерие. С видом горделивого достоинства леди Кэтрин переключилась на тему будущего сына:

- Мне хотелось поговорить с вами о вашем будущем.

Приняв позу вежливого внимания, Мартин прислонился спиной к каминной полке, картинно скрестив ноги и устремив на мать уверенный взгляд.

Леди Кэтрин нахмурила брови и кивнула в сторону кресла:

- Сядьте.

Губы Мартина изогнула ленивая улыбка.

- Мне вполне удобно. Так о чем вы хотели меня проинформировать?

Леди Кэтрин больше не смотрела на сына. Его непринужденность приводила ее в замешательство. Она решила не подавать виду, насколько эта непринужденность ее смущает, и заставила себя встретить его недрогнувший взгляд.

- Во-первых, я полагаю совершенно необходимым, чтобы вы как можно скорее женились. В связи с этим я сделала определенные приготовления и подобрала вам партию - мисс Фейт Уендовер.

Брови Мартина поползли вверх.

Заметив это, леди Кэтрин торопливо продолжила:

- Учитывая, что теперь титул перешел к третьему из моих четырех сыновей, вас едва ли может удивить моя обеспокоенность вопросом о том, чтобы обеспечить этот титул наследником.

Старший сын графини Мертон, Джордж, женился в угоду семье. Однако его жена Мелисса, скромная, скучная Мелисса, к несчастью, не оправдала их ожиданий. Второй сын, Эдвард, погиб за несколько лет до этого, сражаясь в рядах армии, доблестно отразившей нашествие Зверя. Год назад Джордж умер от лихорадки. До этого времени графине и в голову не могло прийти, что титул достанется ее невыносимому третьему сыну. Если бы леди Кэтрин могла это предвидеть, она пожелала бы ему умереть в какой-нибудь заморской аванюре, сделав следующим графом ее любимца Дэмиана.

Но теперь Мартин стал графом, и ей нужна была уверенность в том, что он продолжит род.

Исполнившись решимости сокрушить любое сопротивление, леди Кэтрин устремила на сына властный взгляд:

– Мисс Уендовер богатая наследница и достаточно хороша собой. Из нее выйдет прекрасная графиня Мертон. Она из очень уважаемой семьи и получит в приданое много земли. Теперь, когда ты здесь и можешь все подписать, свадьбу можно назначить через три месяца.

Приготовившись отстаивать свои планы против бури протестов, леди Кэтрин властно вздернула подбородок и в ожидании уставилась на стройную фигуру, стоявшую возле камина. Мартин опустил глаза и, казалось, насторожился. Леди Кэтрин с неожиданным любопытством разглядывала своего сына. Она помнила Мартина двадцатидвухлетним молодым человеком, уже успевшим пристраститься ко всем светским порокам: вину, азартным играм и, конечно, женщинам. Особым пристрастием он обладал к играм с противоположным полом, что и привело его быстро продвигавшуюся карьеру к внезапной остановке. Серена Монктон обвинила Мартина в том, что он соблазнил ее. Он все отрицал. Однако никто, включая членов его семьи, не верил ему. Тем не менее Мартин наотрез отказался жениться на этой девчонке. Его отец был в ярости. Ему пришлось откупиться от родных девушки и отправить своего третьего сына к дальнему родственнику в колонии. Вся свою жизнь до самого последнего дня граф Джон жалел, что сделал это. Мартин всегда был его любимцем, а он умер, так и не повидав его.

Желая найти подтверждение тому, что, по сути, ее сын остался прежним, леди Кэтрин беззвучно фыркнула, узнавая эти широкие плечи и длинные стройные

ноги. Его сильная и мускулистая фигура – фигура Адониса – осталась прежней. Длинные пальцы выглядели чистыми и ухоженными. На правой руке поблескивала золотая печатка, подаренная отцом на его двадцать первый день рождения. Вьющиеся волосы цвета воронова крыла спадали на лоб почти до бровей. Все это она помнила. Чего она не могла припомнить, так это той силы, которую излучало его точеное лицо, и ощущения уверенности, простиравшейся дальше обычного высокомерия. Его изящные движения создавали впечатление сдерживаемой мощи. Такого сына графиня совсем не знала.

С возрастающей неуверенностью леди Кэтрин ждала проявления хоть какого-нибудь недовольства. Однако его не последовало.

– Вы ничего не хотите сказать?

Погрузившись в задумчивость, вызванную воспоминаниями о предыдущем случае, когда мать пыталась заставить его жениться, Мартин поднял глаза на графиню. Его брови поползли вверх.

– Напротив. Но сначала я хотел бы услышать обо всех ваших планах. Уверен, вы изложили не все.

– Безусловно. – Леди Кэтрин бросила на сына взгляд, который мог бы сразить любого более слабого человека, и пожалела, что Мартин отказался сесть. Возвышаясь над ней, он выглядел слишком уверенным, чтобы его удалось смутить. Тем не менее леди Кэтрин не оставила решимости исполнить свой долг. – Второй пункт касается фамильного поместья и других дел. Вы сказали, что ознакомились с ними. Мне бы хотелось, чтобы вы оставили управление в руках тех людей, которых нанял Джордж. Они, несомненно, справятся с этим куда лучше, чем вы. В конце концов, у вас нет опыта управления таким большим поместьем.

Уголок рта Мартина дернулся. Он вернул его на место.

Леди Кэтрин, поглощенная изложением своих аргументов, упустила это предостережение.

– После того как вы женитесь на мисс Уендовер, вы должны будете через год переехать сюда. – Она замолчала, с любопытством глядя на Мартина. – Вы,

возможно, не знаете, но это мои деньги позволяют поддерживать поместье Мертонов на плаву. Не стоит забывать, что еще до брака с вашим отцом я имела свое состояние. После его смерти я распорядилась так, чтобы то, что от него осталось, позволяло оплачивать наши расходы на жизнь, поскольку поместье не приносит для этого достаточно денег.

Мартин не произнес ни звука.

Несмотря на его хладнокровную реакцию, леди Кэтрин, уверенная в своей победе, решила предъявить свой последний козырь:

– В случае, если вы не согласитесь на мои условия, я заберу свой капитал и вы останетесь без средств. – С этими словами она сверкнула взглядом в сторону высокой фигуры сына, по-прежнему небрежно опирающегося на камин. В покрое его темно-синего сюртука чувствовалась рука мастера, первозданная чистота белья выглядела безупречно. Блестящие сапоги довершали картину. Леди Кэтрин рассудила, что Мартин привык тратить на себя достаточно много денег.

Тем временем объект ее пристального внимания с интересом рассматривал носок своего сапога.

Неустранимая графиня прибегла к последнему аргументу:

– Если вы решитесь пренебречь моими пожеланиями, я прокляну вас и оставлю все свое состояние Дэмиану.

Сделав такое всеобъемлющее предостережение, вдовствующая графиня улыбнулась и вновь погрузилась в свое кресло. Мартин всегда недолюбливал Дэмиана, испытывая ревность к любимчику матери. Уверенная в том, что выиграла это сражение, она взглянула на сына.

Леди Кэтрин оказалась совершенно неготовой к ленивой улыбке, которая медленно расплылась на его хмуром лице, смягчив резкие черты и придав их дьявольской красоте аристократическую утонченность. В ее голове мелькнула неуместная мысль о том, что трудно удивляться той легкости, с которой именно этот из ее четырех сыновей покорял женские сердца.

– Если это все, что вы хотели сказать, мадам, я позволю себе сделать несколько замечаний.

Леди Кэтрин моргнула и с царственным видом наклонила голову, стараясь выглядеть милостивой в своей победе.

Мартин с бесстрастным видом выпрямился и подошел к окну:

– Прежде всего, что касается моей женитьбы. Я женюсь, когда пожелаю и на ком пожелаю. Если вообще пожелаю. – Взгляд Мартина скользнул по верхушкам деревьев парка. Предложения матери возмутили, но нисколько не удивили его. Несмотря на то что ее махинации ничуть не привлекали Мартина, он понимал и с уважением относился к той преданности фамильному долгу, которая заставляла ее прибегать к ним. Более того, они лишь укрепляли его уверенность в том, что не она стала причиной истощения фамильных богатств Мертонов. Мартина порадовало, что мать прибегла к этой словесной выволочке, прежде чем по-настоящему отлучить его от дома. Запертая в своей комнате, тогда как все домочадцы оставались без ее бдительного присмотра, мать едва ли могла себе представить, в каком состоянии находилась остальная часть ее обиталища. Ее личные комнаты содержались в относительном порядке, гораздо лучше, чем все остальные, где царил хаос. Это подтверждало ее способность держать слуг в страхе и могло вызвать у недалекой Мелиссы и даже у Джорджа ощущение неотвратимости упадка. И если та часть сада, которую он видел сейчас перед собой, по-прежнему выглядела достойно, то как его мать могла узнать, что все остальное находится в полнейшем запустении? Мартин продолжал стоять у окна, легонько барабанил пальцами по широкому подоконнику. – Кстати, о Дэмиане. Смеею заметить, что он едва ли будет вам благодарен за попытки меня женить. Так или иначе, пока я не обзавелся законным сыном, он мой наследник. Принимая во внимание его финансовые затруднения, не похоже, чтобы он оценил ваши старания помочь мне в скорейшем исполнении моего долга.

Леди Кэтрин окаменела. Мартин окинул взглядом вжавшуюся в свое кресло невестку, внимательно следившую за перепалкой между матерью и сыном, хотя всем своим видом та показывала, что погружена в свое вышивание. Скептически приподняв брови, он повернулся к разгневанной матери.

– Как вы смеете! – На мгновение графиня в ярости лишилась дара речи, но потом ее как будто прорвало. – Вы женитесь, как я велю вам! Никакие другие варианты не рассматриваются! Я уже обо всем договорилась.

– Естественно, – отчетливо и холодно произнес Мартин. – Я сожалею о тех неудобствах, которые вы доставили другим своими действиями. Однако, – в его голосе послышались более суровые ноты, – я теряюсь в догадках, почему вы решили, будто можете разговаривать со мной в таком тоне. Мне трудно поверить, что родители мисс Уендовер настолько сильно заблуждаются, что считают, будто вы имеете на это право. Если это действительно так, то их разочарование станет результатом их собственной глупости. Надеюсь, вы не замедлите сообщить им о том, что союз между мной и мисс Уендовер не состоится.

Потрясенная леди Кэтрин заморгала глазами.

– Вы с ума сошли! Это унижительно! – Она выпрямилась в кресле, сплетя лежавшие на коленях руки, с выражением зарождающегося ужаса на лице.

У Мартина неожиданно возникло желание успокоить ее. Его матери следовало уразуметь, что юноши, покинувшего этот дом тринадцать лет назад, больше нет, подумал он.

– Мне не хотелось бы указывать вам на то, что все неприятности, которые вы можете испытать, являются следствием ваших собственных действий. Будет очень хорошо, мадам, если вы поймете, что я не позволю вам распоряжаться мной.

Не в силах встретить его суровый взгляд, леди Кэтрин опустила глаза на свои скрюченные пальцы. Мартин внезапно стал очень похож на своего отца.

Поскольку мать ничего не отвечала, граф уже более спокойно и сухо продолжил:

– Что касается вашего второго пункта, могу сообщить вам следующее. После того как я тщательным образом ознакомился со всем, относящимся к моему наследству, я отменяю все назначения, сделанные Джорджем. Наши поверенные «Метьюс и сыновья» и «Бромлейс», а также наши банкиры Бленчарды останутся для нас теми, кем они были со времен моего отца. Но этим поместьем, равно как и более мелкими поместьями в Досрете, Лесистершире и Северном Эмптоншире, займутся мои люди. Те, кого нанял Джордж, совершенно обескровили их. Это выше моего понимания, мадам, каким образом такое большое поместье, как

Мертон, в течение двух лет, прошедших после смерти отца, вдруг оказалось неспособным более обеспечить семью.

Мартин замолчал, стараясь сдержать гнев, бушевавший в нем под личиной спокойствия. Одна лишь мысль о состоянии его родовой вотчины приводила его в бешенство. Поняв по потрясенному виду матери, что ей нужно время, чтобы взять себя в руки, он позволил себе с любопытством осмотреть комнату.

Между тем мозг леди Кэтрин продолжал лихорадочно работать. Беспокойная память ударила ее словно обухом, напомнив о странном взгляде, который бросил на нее старый Метьюс, когда она, дав волю своему негодованию по поводу того, что наследником стал Мартин, принялась перечислять все его недостатки. Ей вспомнилось осторожно высказанное поверенным мнение, что Мартин именно тот, кто нужен землям Мертонов. Она никак не ожидала, что Метьюс может одобрить Мартина с его неумеренной расточительностью. Позднее она узнала, что сын нанял эту же фирму, чьими услугами долгое время пользовался его отец, для представительства Мертонов в делах. Ее поразило, что Мартину могли понадобиться услуги такой фирмы, как «Метьюс и сыновья». Замечание Метьюса обеспокоило ее. Теперь она поняла, что оно означало. Да будь он проклят! Почему он не объяснил ей все толком? И почему она сама не спросила?

Остановив взгляд на белокурой, с проблесками серебра, склоненной голове Мелиссы, Мартин снова повернулся к матери. Он угадал ход ее мыслей гораздо быстрее, чем ей хотелось, и его губы изогнулись в кривой усмешке.

– Вы совершенно правы, говоря, что у меня нет опыта управления поместьями такого размера. Мои собственные значительно более обширны.

В очередной раз подтвердив, что ее сын изменился не только внешне, эти слова заметно поколебали уверенность леди Кэтрин. Но еще больше они поколебали все ее планы.

Под ее молниеносным взглядом ухмылка Мартина превратилась в не лишенную любезности улыбку.

– Вы полагали, что ваш расточительный сын оставил свою нищенскую жизнь, чтобы повиснуть у вас на шее?

Взгляд, брошенный матерью, был красноречивее любых слов. Мартин оперся на край подоконника, вытянув вперед свои длинные ноги.

– Мне очень жаль разочаровывать вас, мадам, но я не нуждаюсь в ваших деньгах. По возвращении в Лондон я попрошу Метьюсов навестить вас, чтобы вы могли переписать свое завещание. Молю Бога, чтобы вы исполнили свою угрозу и лишили меня наследства. Дэмиан никогда не простит вам, если вы этого не сделаете. Кроме того, – добавил Мартин, сверкнув серыми глазами, – новость о том, что он ваш наследник, очень поддержит его и как минимум избавит меня от необходимости постоянно вытаскивать его из долговой ямы. Правда, насколько мне известно, он может удариться во все тяжкие. Если Дэмиан решит обойтись с вашими деньгами таким образом, я буду только рад. Однако, как бы он ни поступил, ни цента из ваших средств больше никогда не будет потрачено на поместья Мертонов.

Мартин внимательно смотрел в лицо матери, изучая разрушительное воздействие времени на ее былую красоту. Оправившись от первоначального шока, она снова приподнялась в своем кресле. Ее глаза стали похожи на серые камни, а губы сжались. Несмотря на нездоровье, ее сухопарая фигура все еще производила впечатление определенной силы и решимости. К своему удивлению, Мартин уже не чувствовал потребности бороться с ней, поражать ее своими успехами, демонстрируя, насколько он достоин ее любви. С годами эта потребность тоже умерла в нем.

– Теперь что касается вашего последнего условия. – Он оттолкнулся от подоконника и, опустив глаза, стал поправлять рукава. – Безусловно, часть времени я буду проводить в Лондоне. Кроме того, я намерен навещать в свои поместья, навещать друзей. Я также предполагаю приглашать гостей сюда. Насколько я помню, при моем отце Эрмитаж славился своим гостеприимством.

Мартин взглянул на мать. Та сосредоточенно смотрела куда-то за его спину, словно старалась разглядеть там новый облик своего сына.

– Конечно, подобные визиты невозможны до тех пор, пока дом не будет восстановлен.

– Что? – сорвалось с губ леди Кэтрин. Ее удивленный взгляд остановился на лице Мартина.

– Это не должно вас беспокоить. – Мартин нахмурился. Матери ни к чему было знать, насколько плох дом на самом деле. Она бы сочла себя униженной. – Я пришлю сюда декораторов, как только они закончат работы в Мертон-Хаус. – Мартин сделал паузу, однако взгляд матери уже снова устремился куда-то вдаль. Она ничего не ответила, и Мартин выпрямился. – Через час я возвращаюсь в Лондон. Если вы больше ничего не желаете обсудить, я хотел бы попрощаться.

– Должна ли я понимать, что эти декораторы переделают на ваше усмотрение и мои комнаты? – Едкий сарказм в голосе леди Кэтрин мог бы растворить стекло.

Мартин смягчил свою улыбку. Он быстро просчитал возможные варианты.

– Если хотите, я, конечно, скажу им, чтобы они учли ваши пожелания в отношении тех комнат, которые вам особенно дороги.

Будучи в здравом уме, он не мог возложить на мать надзор за столь масштабной реконструкцией и, сказать по правде, намеревался использовать эту возможность, чтобы придать обители предков свою собственную индивидуальность.

Взгляд матери избавил его от беспокойства по поводу того, что она может отреагировать на это проявление его своеволия и начнет возражать. Успокоившись, Мартин выжидательно поднял брови.

Леди Кэтрин с очевидной неохотой кивнула в знак прощания.

Мартин отвесил ей вежливый поклон, кивнул Мелиссе и вышел из комнаты.

Леди Кэтрин проследила за тем, как он уходит, и погрузилась в задумчивое молчание. Прошло достаточно много времени после того, как дверь за ним закрылась, прежде чем она пришла в себя и ее невидящий взгляд сосредоточился на пустом очаге. В конечном счете, если отбросить старые воспоминания, она не могла не удивиться тому, что, несмотря на все сопутствующие неприятности, в глубине сердца она испытывала облегчение оттого, что рядом появился мужчина. Настоящий мужчина, готовый взять дела в свои руки.

Спустившись вниз, Мартин слегка замедлил шаги на крыльце с портиком, возле которого его ждал открытый двухколесный экипаж, запряженный парой гнедых лошадей, нетерпеливо бьющих копытами. Его встретил тяжелый сухой кашель, донесшийся с противоположной стороны. Мартин нахмурился и, не обращая внимания на свисавшие сбоку вожжи, потрепал холки своих любимцев. Обойдя их, он обнаружил своего бывшего денщика, а ныне лакея и грума Джошуа Кэрратерса, стоявшего привалившись к коляске. Его глаза смотрели прямо на Мартина поверх большого носового платка.

– В чем, черт возьми, дело? – Задавая этот вопрос, Мартин уже знал ответ.

– Ниче, тока холодно, – неразборчиво пробормотал Джошуа, пренебрежительно махнув рукой. Он сложил платок и сунул его в карман своих коротких штанов, обнажив под зорким взглядом хозяина блестящий красный нос. – Давайте лучше поедем.

Мартин не двинулся с места.

– Ты никуда не поедешь.

– Но я ж своими ушами слышал, как вы сказали, что ни за что на свете не останетесь на ночь в этой старой развалюхе.

– Твоя память, как всегда, в порядке, как, впрочем, и слух. Я уезжаю.

– Не-а, без меня нельзя.

Мартин с раздражением уткнул руки в бока и смотрел, как старый солдат, покачиваясь, ковыляет к задку коляски. Когда он ухватился за ее край, его настиг очередной приступ кашля. Мартин выругался. Присмотрев двух мальчишек-конюхов, с ужасом взирающих то на экипаж, то на его хозяина, Мартин подозвал их:

– Придержите коней.

Удостоверившись в том, что мальчишки надежно держат неугомонных лошадей, он подхватил Джошуа под локоть и поволок по направлению к дому.

– Добиваешься, чтобы тебя снова отправили в казармы? Черт побери, старик, ты же свалишься на первом же повороте.

Джошуа попытался попятиться назад, но тщетно.

– Но...

– Я знаю, что дом в плачевном состоянии, – возразил Мартин, поднимая своего сопротивляющегося оруженосца на ноги. – Но сейчас я кое-что подправил так, чтобы остальные слуги навсегда запомнили, как должны делаться дела. По крайней мере, – добавил он, останавливаясь в сумрачном парадном холле, – я надеюсь, что они это запомнят.

Он сделал распоряжения, которые впоследствии слугам полагалось исполнять самостоятельно, как это было во времена его отца. Кое-кто из челяди оставался в доме с тех самых пор, и Мартин ожидал благополучного исхода. Все местные обитатели, многие из которых поколениями прислуживали в доме Мертонов, впали в недоумение, оказавшись под началом неумехи Джорджа.

Освободившись от его тирании, они, казалось, и сами рады были вернуть Эрмитаж в надлежащее состояние.

Джошуа фыркнул:

– А как же лошадки?

Губы Мартина дрогнули, но он подавил желание улыбнуться и поднял брови на пугающую высоту.

– Уж не собираешься ли ты усомниться в моей способности позаботиться о своих лошадях?

Джошуа, что-то пробурчав, бросил на него потухший взгляд.

– Отправляйся в постель, старый ворчун. Когда проспишься и сможешь держаться верхом, возьми в конюшне лошадь и вернешься в Лондон. Бери ту, что осталась от Джорджа. Это единственное животное, которое хоть в какой-то степени обладает качествами, удовлетворяющими твоим высоким требованиям.

Ничуть не успокоенный такой перспективой, Джошуа недовольно хмыкнул. Однако он понимал, что лучше не спорить. Решив ограничиться последним предостережением, лакей произнес:

– Собирается дождик. Так вы уж будьте поосторожней. – И поковылял в сторону разошедшейся, обитой сукном двери в конце коридора.

Мартин, улыбаясь, вернулся к коляске. Отпустив тарасившихся на него мальчишек, он забрался на высокое сиденье и вскинул поводья. Коляска покатила по заросшей сорняками аллее. Мартин не стал оглядываться.

Когда он миновал столбы, обозначавшие парадный въезд, и проезжал через чугунные ворота, едва державшиеся на петлях, из его груди вырвался тяжелый вздох. Тринадцать лет он хранил в памяти воспоминание о своем доме, как о чарующей радостной обители, как о райском саде, куда он страстно желал вернуться. Судьба позволила его желанию сбыться, но, как это случается всегда, лишила его мечты. Очарование и радость исчезли, став жертвой небрежения, постигшего дом после того, как он лишился отцовской заботы.

Мартин должен восстановить его, вернуть былое очарование, ощущение безмятежного покоя. Он был полон решимости сделать это. Его челюсти сжались сильнее, серые глаза сверкнули стальным блеском в лучах послеполуденного солнца. По правде сказать, Мартин с радостью покидал то, во что превратилась его мечта. Он останется в Лондоне, пока работа не будет завершена. В следующий раз он снова увидит свой дом таким, каким пронес его в своем сердце через все годы разлуки. Своим личным раем.

Вдали показалась дорога на Таунтон. В поисках нужного поворота Мартин бросил беглый взгляд на запад. Джошуа оказался прав: надвигался дождь. Мартин сжал губы, обдумывая возможные варианты действий. Если он остановится в Таунтоне, добраться за день до Лондона будет совсем непросто. Он мог повернуть на Илчестер, где они с Джошуа достаточно комфортно провели прошлую ночь в «Лисе». Приняв такое решение, Мартин бросил поводья, позволяя лошадям как следует размять ноги. Как подсказывала память, он мог заметно срезать путь, взяв немного южнее Таунтона, чтобы добраться в Илчестер до начала грозы.

Двумя часами позже коляска соскользнула и опасно накренилась, попав колесами в очередную колею. Мартин громко выругался. Он натянул поводья и взгляделся в сгущающийся впереди мрак. Кратчайший путь не оправдал его ожиданий. С запада доносились глухие раскаты. Мартин вглядывался в горизонт, едва заметный под низкими тучами. Возможность выбраться на дорогу в Лондон до грозы казалась весьма сомнительной.

Мартин слегка стегнул лошадей, направляя их по разбитой колее проселка. Он изо всех сил напряг память в попытке извлечь оттуда упоминание о каком-нибудь укрытии, расположенном по соседству, когда воздух вдруг пронзил отчаянный крик. Лошади рванули. Быстро остановив их, Мартин спрыгнул со своего места и успел подхватить уздечки как раз вовремя, чтобы не дать лошадям встать на дыбы, когда ночь огласил повторный крик. Он доносился из маячившего впереди леса. Без сомнения, кричала женщина. Мартин поспешил надежно привязать коляску к ближайшему дереву и, выхватив из-под сиденья пару заряженных пистолетов, двинулся в заросли. Оказавшись под сенью деревьев, он постарался идти тихо, мысленно поблагодарив свое непутевое детство, когда он в компании Джонни Хоббса из деревни частенько пробирался в охотничьи угодья отца.

Пройдя немного вперед, Мартин застыл на месте. Перед ним лежала небольшая поляна, к которой с противоположной стороны подходила тропа. Посреди поляны в каком-то странном вальсе, кряхтя и ругаясь, кружились двое сомнительного вида мужчин.

- Стой спокойно, маленькая!..

- Вот черт! Эта девка укусила меня за палец!

Когда один из мужчин отбежал назад, глазам Мартина предстали двое неряшливо одетых крепышей и дама. Вне всякого сомнения, перед ним была дама. Ее шелковое платье слегка поблескивало в сумерках. Высокому мужчине удалось схватить ее сзади за руки и удерживать, несмотря на все ее попытки ударить его.

- Слушайте, миссис. Хозяин приказал не делать вам больно, просто придержать вас здесь, и все. Только как нам это сделать, если вы не хотите постоять спокойно?

Отчаяние, звучавшее в голосе мужчины, вызвало на лице Мартина сочувственную улыбку. Поляна была слишком большой, чтобы он смог незаметно подкрасться к ним. Осторожно обойдя ее по кругу, он встал так, что мужчина, державший даму, оказался к нему спиной.

– Глупцы! – Женщина и ее преследователь качнулись в сторону. – Разве вы не знаете, что полагается за похищение? Если вы меня отпустите, я заплачу вам вдвое больше того, что пообещал ваш хозяин!

Брови Мартина подскочили вверх. Голос женщины звучал вполне уверенно. Очевидно, она не теряла головы.

– Может, и так, леди, – прорычал мужчина, возившийся со своим пальцем, – только наш хозяин из благородных. Он не любит, когда ему перечат. Нет уж. Я, ей-богу, не вижу, как мы можем вам угодить.

Подняв вверх оба пистолета, Мартин вышел из зарослей:

– Позвольте. Разве вас не учили, что желание дамы – закон?

Тот, что держал женщину, отпустил ее и повернулся лицом к Мартину. Мартин увидел, что второй мужчина достал нож. Тогда он прицелился и выстрелил. Пуля попала мужчине в локоть. Он выронил нож и завыл. Услышав это, его товарищ повернулся и упустил замечательное зрелище, когда отставной майор Мартин Уиллисден, солдат удачи, прекрасно владевший оружием, оказался повержен ударом совсем маленького кулачка, пришедшимся ему прямо в челюсть. Его голова дернулась назад, ударившись о низко растущую ветку. Оглушенный, он обмяк и медленно опустился на землю.

Хелен Уолфорд смотрела на высокую фигуру, распростершуюся у ее ног. Святые небеса! Это же совсем не Хедли Суэйн! Разряженный пистолет, зажатый в левой руке мужчины, все еще дымился. Его правая рука продолжала держать другой пистолет, с взведенным курком. Хелен схватила его. Одной рукой подобрала юбки, она перепрыгнула через лежащее тело и повернулась кругом, направив пистолет на своего преследователя. Разделявшее их тело помешало ему схватить ее.

– Не подходи! – предупредила она. – Я знаю, как этим пользоваться.

Оценив уверенность, с которой пистолет целился ему в грудь, мужчина решил послушаться. Он взглянул назад на своего подручного, стоявшего на коленях и стонавшего от боли. Потом бросил на Хелен неприязненный взгляд:

- Проклятье!

Посмотрев на нее с угрозой, он отвернулся и снова уставился на своего товарища. Помогая ему подняться на ноги, мужчина прорычал:

- Давай бросим это дело. Земли хозяина совсем недалеко отсюда. По мне, так пусть сам разбирается.

Его слова донеслись до Хелен. Ее глаза расширились от удивления.

- Ты хочешь сказать, что это не твой хозяин? - Она перевела взгляд на неподвижное тело у ее ног. Господи! Что она наделала?

Мужчины тоже уставились на обмякшую фигуру.

- Этот франт? Да мы никогда его в глаза не видали, миссис.

- Кем бы он ни был, когда очнется, ему не очень-то понравится то, что вы сделали, - со смехом добавил второй.

Хелен сглотнула и махнула пистолетом. Недовольно ворча, оба негодяя двинулись к зарослям, где стояла жалкая повозка, запряженная одной полудохлой клячей. Они забрались в повозку и, стегнув лошадь, поехали по разбитой дороге.

Оставшись во мраке наедине со своим лежащим без сознания спасителем, Хелен уставилась на его неподвижную фигуру:

- О господи!

С самого утра ее преследовали сплошные несчастья. На рассвете ее похитили, завернув в какое-то вонючее одеяло. Потом несколько раз пересаживали из

одного экипажа в другой, пока звуки Лондона не остались далеко позади. Весь день ее толкали и тискали, связывали и затыкали рот, выкручивали руки и запихивали в грязные повозки. Голова до сих пор гудела. А теперь, когда ее наконец спасли, она воспользовалась этим, чтобы оглушить своего спасителя.

Хелен со стоном приложила руку ко лбу.

На сегодня ее удача явно взяла выходной.

Глава 2

Затылок болел. Первое, что пришло в голову Мартину, когда очнулся, – это мысль о том, что он еще жив. Однако, приподняв веки, он понял, что ошибся. Над ним склонился ангел с золотыми волосами, озаренным неземным сиянием. Внезапная боль заставила его снова закрыть глаза.

Но он не мог умереть. Голова болела слишком сильно, даже несмотря на то, что она покоилась на самых мягких коленях, которые можно себе представить. Нежные пальцы погладили его бровь. Он сжал их одной рукой. Ангел не исчез. Мартин ощутил живую теплую плоть.

– Что случилось? – Он поморщился от боли.

Хелен склонилась над ним и сочувственно прищурилась:

– Я ужасно виновата, что ударила вас. В челюсть. Вы опрокинулись назад и налетели на сук.

Когда спазм от боли прошел и черты лица ее спасителя разгладились, Хелен почувствовала себя еще больше виноватой. Как только скрип повозки затих, она опустилась на колени рядом со своей жертвой. Справившись с волнением, она обратила свое внимание на то, чтобы обработать рану. Плечи незнакомца оказались невероятно тяжелыми, но ей все же удалось приподнять его голову и, уложив ее к себе на колени, нежно убрать назад черную прядь, упавшую ему на лицо.

Мартин держался за ее руку, как за якорь, связывающий его с ускользающей действительностью. Рука была совсем маленькой, с тоненькими косточками. Постепенно пульсация в голове отступила, сменившись тупой болью. Приподняв свободную руку, он потрогал синяк на подбородке. И как раз вовремя, чтобы понять, что не стоит пытаться ощупывать шишку на затылке. Его голова лежала у нее на коленях, а звук голоса выдавал в ней леди.

– Вы всегда нападаете на своих спасителей? – Мартин сделал попытку сесть.

Хелен помогла ему, а потом, присев на корточки, с тревогой заглянула в глаза:

– Я действительно должна извиниться. Я приняла вас за Хедли Суэйна.

Мартин осторожно ощупал бугорок на голове. Голос подтвердил его предположения насчет ангела. Мягкие, бархатистые нотки падали в его сознание каплями теплого меда. Он нахмурил брови:

– Кто такой Хедли Суэйн? Хозяин тех, кто вас похитил?

Хелен кивнула:

– Я думаю, да.

Она должна была догадаться, что это не Хедли. Голос незнакомца звучал гораздо ниже, гораздо весомее. Хелен чувствовала себя неловко из-за того, что их знакомство произошло при таких неудачных обстоятельствах. Она опустила взгляд на свои руки, гадая, о чем думает ее спаситель. Пока он лежал, вытянувшись у ее ног, Хелен имела прекрасную возможность рассмотреть его во всей красе. И там было на что посмотреть. Даже одного взгляда, который она успела бросить на него, хватило, чтобы произвести на нее впечатление. И самое благоприятное. Губы Хелен изогнулись в улыбке. Она не могла припомнить, чтобы кто-нибудь так сильно поразил ее. Буквально сразил наповал.

Исподтишка разглядывая в сумерках смущенную девицу, стоявшую возле него преклонив колени, Мартин понял, почему сначала принял ее за ангела. Густые золотые локоны обрамляли ее лицо, в беспорядке спадая на плечи. Шелковое вечернее платье облегалo выразительные изгибы фигуры. Мартин не мог

определить ее рост, но сложена она была прелестно. Он взглянул ей в лицо. Неясный вечерний свет не позволял разглядеть ее черты. Внезапно им овладело острое желание увидеть ее при хорошем освещении.

– Я так понимаю, что этот самый Хедли Суэйн должен появиться здесь с минуты на минуту.

– Так говорили те двое, – небрежно произнесла Хелен. Честно говоря, похититель не вызвал у нее особого интереса. Спаситель казался ей гораздо более интересным.

Мартин медленно поднялся на ноги, благодаря поддерживающей его руке ангела. Он никак не мог прийти в себя. Ее близость отвлекала его.

– Почему они ушли?

Женщина оказалась довольно высокой, и, если бы она стояла чуть ближе, ее локоны касались бы его носа, а лоб оказался на уровне его губ. Как раз подходящий рост для высокого мужчины. Ее ноги отличались замечательной длиной. Мартин с трудом подавил желание изучить их поближе.

– Я направила на них второй пистолет. – Заметив, что он почти не слушает ее, Хелен с беспокойством подумала, что его рана слишком серьезна. Нахмурившись, она попыталась разглядеть в темноте выражение его лица. Вспомнив о пистолетах, Хелен наклонилась, чтобы поднять их. Шелковые юбки обтянули сзади ее округлые формы.

Мартин отвел взгляд и тряхнул головой, чтобы избавиться от навязчивых фантазий. Проклятие! Ситуация могла обернуться бедой! Нельзя тратить время попусту. Он откашлялся.

– Полагаю, учитывая мое нынешнее состояние, разумней будет убраться до того, как прибудет мистер Суэйн. Конечно, если вы не хотите встретиться с ним.

Хелен покачала головой:

– О боже, нет! Он наверняка приедет в экипаже, и с ним будут другие люди. Он никогда не ездит один. – В ее голосе звенело презрение к похитителю. Неожиданно ее осенило. – Где мы находимся?

– К югу от Таунтона.

– Таунтон? – Хелен встала, опустив пистолеты, и нахмурилась. – Земли Хедли, о которых они говорили, расположены где-то в Корнуолле. Я думала, он собирался отвезти меня туда.

Мартин кивнул. Принимая во внимание то, где они находились, такое объяснение выглядело весьма похожим на правду. Он огляделся вокруг, стараясь сориентироваться, потом протянул руки за пистолетами.

– Предлагаю вам удалиться незамедлительно. Моя коляска стоит на проселке за лесом. Я как раз проезжал мимо, когда услышал ваши крики.

– Слава Богу, что вы их слышали. – Хелен наконец-то одернула свои юбки. – Я почти не надеялась, что рядом есть какая-нибудь большая дорога.

Она подняла глаза на своего спасителя и заметила, что он разглядывает ее, хотя сумерки скрывали выражение его лица.

Мартин улыбнулся:

– Мне не хотелось бы лишать вас этой надежды, но до большой дороги не так близко. Я хотел проехать по проселку напрямик, чтобы выбраться на лондонскую дорогу до начала грозы.

– Вы едете в Лондон?

– Вообще-то да, – подтвердил Мартин. Нависавшие ветви деревьев закрывали небо, и он не мог определить, насколько близко подошли грозовые тучи. – Но для начала нам надо найти убежище на ночь.

Бросив вокруг последний взгляд, Мартин предложил Хелен руку.

Хелен поборола внезапно нахлынувшее волнение и оперлась на нее.

– Вас похитили из Лондона?

– Да. – Хелен не видела причины скрывать это. Однако этот вопрос напомнил ей о том, что следует быть осторожнее, пока она не узнает о своем спасителе больше.

Поглощенная тем, чтобы окончательно не испортить свое платье, пробираясь сквозь многочисленные ветви, преграждавшие ей путь, Хелен чувствовала, что к ней возвращается спокойная уверенность, с которой она обычно смотрела на окружающий мир. Твердая рука спасителя помогала ей преодолевать препятствия. Вежливое уважение, отличавшее его поведение, быстро рассеяло опасения Хелен, она ощутила себя в безопасности. Она с облегчением отметила, что его благородство не уступает его элегантности, и напряжение окончательно спало.

Когда они отошли достаточно далеко от поляны, Мартин решился удовлетворить свое стремительно растущее любопытство. На языке у него вертелся вопрос: кто она такая? Но его, несомненно, стоило оставить на потом. Он удовлетворился вопросом:

– Кто такой Хедли Суэйн?

– Фат, – последовал бескомпромиссный ответ.

– Вы и меня приняли за фата? – Даже грозившая им опасность не могла заставить Мартина отказаться от своих привычных манер, а природное обаяние было свойством его натуры.

Хелен повернула к нему голову и встретила его лукавый взгляд. У нее перехватило дыхание. На какое-то мгновение ее глаза встретились с глазами Мартина. Сердце успело сделать три удара, прежде чем ей отчаянным усилием удалось оторвать от них взгляд.

– Не забывайте, что я вас не видела.

В ответ на ее тихие слова Мартин рассмеялся:

– Ах да!

Поваленное дерево преградило им путь. Мартин отпустил ее, чтобы перешагнуть через ствол, а потом протянул ей руки. Хелен смотрела ему в лицо сквозь опущенные ресницы. Сильное, притягательное, загорелое лицо, с более резкими чертами, чем те, к которым она привыкла. Хелен не могла разобрать, какого цвета его глаза. Стараясь выглядеть спокойнее, чем ощущала себя на самом деле, она положила руки в его ладони и почувствовала, как сильные пальцы сомкнулись вокруг них. В груди возникло какое-то странное стеснение. Хелен посмотрела вниз, якобы чтобы не споткнуться о дерево, но на самом деле пытаясь за нахмуренными бровями скрыть внезапно возникший приступ нелепой слабости.

Заняв свое место рядом с ней, Мартин взглянул на ее склоненную голову и окончательно уверился в том, что дрожь ее пальцев не была плодом его разыгравшегося воображения. Имея весьма значительный опыт в тонкостях подобного рода игр, он искал подходящую тему, чтобы отвлечь ее от собственной персоны.

– Надеюсь, все перенесенные мытарства не причинили вам серьезного вреда?

Исполненная решимости скрыть свое волнение, Хелен отрицательно тряхнула головой:

– Нет, несколько. Но это лишь потому, что им было приказано обращаться со мной бережно.

– Да, я слышал. И все же смею заметить, что вы совсем смешались от испуга.

Несмотря на смущение, вызванное его присутствием рядом с ней, Хелен засмеялась:

– О нет! Уверяю вас, я вовсе не такое беззащитное создание, как другие. – Она взглянула вверх и увидела, как черные брови спасителя приподнялись. В его взгляде читалось явное недоверие. Хелен улыбнулась еще шире. – Ладно, –

согласилась она. – Признаю, что я слегка встревожилась, но, когда удостоверилась, что они обращаются со мной очень осторожно, я поняла, что у меня нет причин дрожать от страха за свою жизнь.

– Я спас амазонку.

Хелен пропустила это банальное замечание мимо ушей. Она рассмеялась и покачала головой, но не стала углубляться в эту тему.

Когда деревья поредели, она мысленно вернулась к тому положению, в котором оказалась, и с удивлением обнаружила, что, несмотря на возможность дальнейшего преследования со стороны похитителей, с легким сердцем воспринимает вновь сложившиеся обстоятельства. Сумерки совсем сгустились, она шла через лес одна с незнакомым джентльменом. И все же то, что она чувствовала, нельзя было назвать тревогой. Неожиданно у нее на губах мелькнула улыбка. С самого детства ее не посещало такое странное безрассудное настроение, такая бьющая ключом жизнерадостность, которая всегда сопровождала ее самым отчаянным детским проказам. Почему она явилась сейчас, когда рядом с ней этот незнакомец? Хелен не знала, что и думать. Однако возбужденная дрожь, охватившая все ее существо, была слишком заметной, чтобы не обращать на нее внимания. Честно говоря, Хелен и не хотелось делать вид, что она ее не замечает. Ее жизнь уже очень долго была слишком серьезной, слишком обыденной. Небольшое приключение могло немного оживить унылую перспективу ее одинокого будущего.

Они быстрым шагом вышли из леса. В густых сумерках вырисовывался силуэт двухколесного экипажа, запряженного парой гнедых.

– Какие красавцы! – не удержавшись, воскликнула Хелен.

Вид лошадей и экипажа говорил о многом. Очевидно, ее спаситель был человеком состоятельным. Он, улыбаясь, оставил Хелен возле коляски и подошел к лошадям, успокаивающим движением погладил их морды.

Хелен осмотрела коляску, сомневаясь, что ее вечернее платье позволит ей, не нарушая приличий, взобраться на расположенное высоко над колесами сиденье. Она уже собралась попытаться преодолеть этот сложный подъем, когда пара сильных рук обхватила ее за талию и без труда подняла вверх.

Когда ее бережно усадили на сиденье, она залилась яркой краской.

– Э-э... благодарю вас. – Улыбка ее спасителя светилась нескрываемым озорством. Хелен сделала вид, что озабочена тем, чтобы расправить юбки, в то же время из-под ресниц наблюдая, как он отвязывает поводья.

Она знала, что весит не так уж много, и все же его забота заставляла чувствовать себя до смешного хрупкой. Дело было даже не в поразительной мощи его рук, обхвативших ее талию. Все дело было в том, с какой невероятной силой ее сжавшиеся в комок нервы ответили на эту краткую и вполне обыденную близость. Никогда в жизни Хелен не испытывала такого странного ощущения. Господи, да что же с ней происходит?

Ее спаситель запрыгнул на соседнее сиденье. Он сделал это с легкостью прирожденного атлета. Его движения оставляли впечатление сдерживаемой мощи, порожденной сочетанием утонченной элегантности и внушительных размеров. Сочетанием поистине чарующим. Хелен с готовностью признавала это.

Он взглянул на нее:

– Удобно?

Хелен кивнула. Этот простой вопрос рассеял последние опасения. Как полагала Хелен, ни один негодяй не стал бы интересоваться, удобно ли устроилась его жертва. Спаситель заставлял ее трепетать, но не пугал ее.

Капля дождя упала на руку Мартина, и он поспешил вскинуть поводья. Начиравшийся дождь отвлек его от мыслей о женщине, сидевшей рядом, и он сосредоточился на более практических материях. Близилась ночь, а с ней надвигалась непогода.

Мартин смерил спасенную им женщину оценивающим взглядом. Поднимая ее на сиденье, он как следует разглядел ее изящные щиколотки и ее вне всяких сомнений шелковое тонкое и изысканное платье. Более того, его опытный взгляд безошибочно определил, что, судя по его модному покрою, под ним скрывалась лишь тонкая шелковая рубашка. В лесу кроны деревьев еще позволяли сохраниться послеполуденному теплу, но теперь, когда они вышли на

открытое место, температура заметно снизилась. Вырез платья Хелен был достаточно низким, что вызывало у Мартина безусловное одобрение. Крохотные рукава-фонарики сильно порвались и сползли с плеч. Даже при таком скудном освещении прозрачная бледность ее кожи бросалась в глаза. Она дрожала от холода.

– Простите мою дерзость, но почему на вас нет даже накидки?

Хелен задумчиво нахмурилась. Как много она могла открыть ему, ничего не опасаясь? Неосознанно вздернув подбородок, она рискнула сказать правду.

– Я была в Чэтем-Хаус на балу по случаю дня рождения леди Чэтем. Лакей принес мне записку, в которой меня просили выйти на крыльцо, чтобы встретиться... с одним из моих друзей.

Теперь, оглядываясь назад, Хелен понимала, что ей следовало быть более осторожной.

– В тогдашних... обстоятельствах это выглядело вполне оправданным, – пояснила она. – Однако на крыльце никого не оказалось. Во всяком случае, я так думала. Я подождала пару минут и уже собиралась вернуться назад, когда кто-то – думаю, один из тех двух мерзавцев – набросил мне на голову покрывало.

Хелен слегка поежилась, то ли от холода, то ли от воспоминаний об охватившем ее испуге.

– Они затащили меня в стоявший наготове экипаж. Было еще рано, и на подъездной аллее не было других карет. – Хелен перевела дух. – Вот поэтому я и оказалась без плаща.

– Понимаю. – Мартин прижал сапогом поводья и, потянувшись вниз, достал из-под сиденья свою аккуратно сложенную шинель. Встряхнув ее, он накинул шинель на открытые плечи своей спутницы, а потом взял в руки поводья. – Почему вы думаете, что за вашим похищением стоит Хедли Суэйн?

Хелен помрачнела. На самом деле теперь, когда она могла более трезво оценить происшествие, становилось ясно, что никаких твердых доказательств

причастности Хедли к попытке похищения у нее нет.

Глядя на ее задумчивое лицо, Мартин удивленно поднял брови:

– Значит, ничего определенного, только ощущение?

Высокомерные нотки, скрывавшиеся в хрипловатом звуке его низкого голоса, заставили Хелен встрепенуться.

– Если бы вы видели, как вел себя Хедли в последнее время, вы бы в этом не усомнились.

Мартин усмехнулся ее запальчивому возражению и с большим сочувствием спросил:

– И как же он себя вел?

– Он постоянно преследовал меня, предлагая выйти за него замуж. Одному Господу известно, зачем он это делал.

Плотнее сжав губы, чтобы удержать готовый сорваться с языка ответ, Мартин выждал столько, сколько нужно, чтобы его голос мог снова звучать твердо, и задал еще один вопрос:

– А разве это не очевидно?

Поглощенная обдумыванием странностей в поведении Хедли Суэйна, Хелен отрицательно покачала головой:

– Конечно, не очевидно. – Внезапно она вспомнила, с кем разговаривает, и покраснела. Моля Бога, чтобы сумерки скрыли от него это обстоятельство, она торопливо продолжила: – Хедли не из тех, за кого выходят замуж, если вы понимаете, что я имею в виду.

Мартин скривил губы, но ничего не ответил.

От мысли о неправомерном поведении мистера Суэйна лоб Хелен слегка наморщился.

– К несчастью, я не понимаю, с чего он вдруг решил жениться на мне. Совсем не понимаю.

Дальше они ехали молча. Мартин следил за дорогой, Хелен погрузилась в свои мысли. Вокруг них лежали открытые пастбища, разделенные редкими живыми изгородями, и ни одного жилого дома. В голове Мартина неожиданно мелькнула мысль.

– Вы говорите, что были на балу, когда вас похитили? Значит, вы отсутствовали с прошлой ночи?

Хелен кивнула:

– Но я приехала в собственной карете, а большинство моих знакомых еще не вернулись в город.

– Ваш кучер наверняка поднял тревогу.

Хелен покачала головой:

– Не сразу. Я могла бы вернуться домой в каком-нибудь случайно подвернувшемся экипаже, а записка, посланная кучеру, могла потеряться в суете. Раньше такое уже случалось. До утра мои люди не могли быть уверены в том, что меня действительно похитили. – Она в задумчивости сдвинула брови. – Интересно, как они поступят?

Мартина это тоже заинтересовало, но по другим причинам. Вероятность того, что его примут за похитителя, и возможная необходимость последующих объяснений совершенно не привлекали его теперь, когда он едва успел ступить на землю Англии и должен был утвердить за собой репутацию добропорядочного человека.

– Ваше возвращение наверняка вызовет переполох.

– Мм. – Мысли Хелен переместились с туманных предположений о том, что происходит в Лондоне, к тому, кто сидел рядом с ней. Ее спаситель до сих пор так и не спросил, как ее зовут, и не изъявил желания представиться сам. Однако безрассудная отвага настолько прочно овладела Хелен, что это взаимное инкогнито ее вполне устраивало. Она чувствовала себя настолько спокойно и уверенно, что считала формальные представления совершенно необязательными.

С трудом справляясь с изрытой колеями и становившейся все хуже и хуже дорогой, Мартин пытался придумать какой-нибудь приемлемый способ узнать имя своей спутницы. Ситуация сложилась странная. Учитывая, что они не были представлены друг другу как положено, он не мог ожидать, что она захочет назвать свое имя. От попытки задать прямой вопрос Мартин отказался, надеясь, что она сделает это сама в благодарность за свое избавление. В противном случае как он сможет разыскать ее в Лондоне? Конечно, он должен был представиться сам, но позже, когда узнает о ней больше.

Капли дождя и раскаты, доносившиеся с запада, вернули мысли Мартина в более практическое русло.

Резвые лошади опасно натянули поводья. Он успокоил их, заставив аккуратно пройти крутой поворот. Слева возникли темные контуры сарая, стоявшего посреди поля и прикрытого с запада каштановой рощицей. Раскаты становились все громче. Небо озарила молния.

Мартин, поморщившись, направил лошадей на проселок, ведущий к сараю. Он бросил взгляд на свою спутницу, по-прежнему погруженную в свои мысли:

– Боюсь, то, что вы видите впереди, дорогая, станет нашим пристанищем на эту ночь. Ведь до ближайшего убежища отсюда еще несколько миль, а лошади боятся грозы.

Выйдя из задумчивости, Хелен посмотрела вперед. Завидев темные контуры строения, она представила себе перспективу провести там ночь в компании своего спасителя и неожиданно нашла ее весьма привлекательной.

– Меня это не смущает, – беспечно откликнулась она. – Уж если на мою долю выпало приключение, то для полноты картины стоит провести ночь в

заброшенном сарае. Он ведь заброшенный, как вы думаете?

– В этих местах? Сомневаюсь. Я очень надеюсь, что там имеется сеновал со свежим сеном.

Так и оказалось. Мартин распряг лошадей, обтер их и как можно надежнее привязал в стойлах. К тому времени Хелен уже оценила тепло его толстой шинели. Запахнувшись в нее поглубже, она осмотрелась вокруг и обнаружила с одной стороны сарая колодец. Пока не пошел дождь, она поспешила набрать воды и наполнить все емкости, которые смогла найти. Напоив лошадей, Хелен ополоснула лицо, смывая накопившуюся за день пыль и грязь, и, лишь как следует освежившись, вспомнила, что у нее нет полотенца. Не успев открыть глаза, она вздрогнула, когда сзади раздался низкий смех. Хелен ощутила, как по коже вдруг побежали мурашки. Сильные пальцы коснулись ее руки, сунув в нее льняной платок. Хелен торопливо вытерла лицо и обернулась.

Мартин стоял в ярде от нее. Его губы были изогнуты в улыбке. Он нашел лампу и повесил ее к лестнице, ведущей на сеновал. Мягкий свет падал на его волосы, черные кудри закрывали уши и спускались ниже на шею. Завораживающие глаза – теперь Хелен убедилась в том, что они серые, – не спеша разглядывали ее. У Хелен свело низ живота, глаза расширились. Он был красив. Невыносимо красив. Еще красивее, чем Хейзелмер. Хелен почувствовала, что ей трудно дышать. Проклятие! Ни один мужчина не имеет права быть таким красивым. Хелен с трудом удалось скрыть, какое впечатление он на нее произвел. Она присела в изящном поклоне:

– Премного благодарна вам, сэ, за ваш платок и за то, что вы спасли меня.

Легкая улыбка стала шире, придав его красивому лицу чрезвычайно чувственное выражение.

– Рад услужить вам, прекрасная Юнона.

На этот раз от звука его голоса по спине Хелен пробежал озноб. Юнона? Удивленная, она протянула ему платок, надеясь, что этот жест поможет скрыть ее внезапное смущение.

Забирая назад платок, Мартин позволил себе еще раз оглядеть ее, потом резко взял себя в руки. То, что перед ним стояла леди, не вызывало сомнения, и он намеревался вести себя как подобает джентльмену. Но, черт возьми! Мартин чувствовал, что, если она и дальше будет смотреть на него так, он может забыть о своей щепетильности.

Он плавно повернулся к корзине, стоявшей у стены:

– Там кукуруза. Если нам удастся смолоть хоть немного, мы сможем испечь лепешки на ужин.

Хелен нервно взглянула на облаченную в синий сюртук спину, потом с еще большим сомнением перевела глаза на корзину с кукурузой. Разве из кукурузы делают лепешки?

– Я боюсь... – начала она, вынужденная признаться в своем невежестве.

Ее спаситель ответил лукавой улыбкой:

– Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. Идите сюда и помогите мне.

Ободренная его словами, Хелен двинулась вперед, готовая предложить любую посильную помощь. Оглядевшись вокруг, они отыскали два подходящих камня, один большой и плоский, другой поменьше, округлый, чтобы приспособить их как жернова. Продемонстрировав, что она освоила технологию, Хелен принялась за изготовление кукурузной муки, в то время как ее наставник развел прямо перед входом в сарай небольшой костер, укрытый от дождя навесом.

Время от времени небо с треском озаряли молнии, за которыми следовали оглушительные раскаты грома. Лошади тревожно поднимались на дыбы, но потом успокаивались. В сарае было сухо и уютно.

– Этого достаточно.

Хелен, сидевшая на куче соломы, подняла глаза и увидела, что наставник возвышается над ней с ведром в руке.

- Теперь добавим воды, чтобы сделать тесто.

Изо всех сил стараясь не отвлекаться от своего занятия, Мартин опустился на колени напротив нее и, окунув руки в воду, окропил ею муку. Хелен быстро уловила, как это делается, и вскоре перед ними лежал небольшой холмик мягкого теста. Хелен отнесла тесто к костерку, а Мартин притащил тяжелый камень.

Она видела, как он вымыл кусок старого железа и насухо вытер его сеном. Потом положил железо поперек костра, принес ведро с водой и капнул на раскаленную поверхность. С придирчивым видом Мартин проследил, как вода с шипением испарилась, и улыбнулся:

- Теперь пора. Главное, не дать ему перегреться.

Он уверенным движением положил два куска теста на железо и быстро расплющил их пальцами.

Хелен пододвинула к костру старый деревянный ящик.

- Где вы этому научились?

Мартин медленно улыбнулся:

- В одной из своих многочисленных прошлых жизней я был солдатом.

- На Пиренейском полуострове?

Мартин кивнул. Пока они готовили и поедали лепешки, он развлекал Хелен красочными, хотя и подвергшимися некоторой цензуре рассказами о своих армейских днях. Кульминацией вполне закономерно стало повествование о битве при Ватерлоо.

- После этого я вернулся... к своим делам.

Мартин встал и выпрямился. Снаружи их окутывала непроглядная черная ночь. Казалось, что на много миль вокруг нет ни одной живой души. Мартин криво

усмехнулся. Оказаться заключенным в сарае наедине с этой прекрасной Юноной – какая благоприятная возможность для любовной близости. К несчастью, прекрасная Юнона была, несомненно, дамой благородного происхождения, да к тому же находилась под его защитой. Усмешка сменилась гримасой сожаления и исчезла с его лица, прежде чем Юнона успела ее заметить. Мартин протянул руку, чтобы помочь ей подняться:

– Пора спать. – Он решительно отменил свои любовные фантазии и наклонил голову в сторону лестницы. – Там наверху лежат пучки свежего сена. Спать будет достаточно мягко.

Хелен с готовностью пошла с ним. Все опасения, которые у нее возникли, за прошедшие часы бесследно растаяли. Она чувствовала себя в полной безопасности, ни на минуту не сомневаясь в том, что Мартин будет вести себя как должно. В этом приключении они стали своего рода друзьями.

От Мартина не укрылась симпатия, которую она к нему испытывала. Его спутница казалась ему какой-то странно трогательной, не похожей на тех женщин, которые ему обычно встречались. Протянув руку к лестнице, Мартин отцепил лампу.

– Я полезу первым. – Он улыбнулся. – Вы сможете подняться по лестнице сами?

Мысль о том, что ее потащат по лестнице, перекинув через плечо, как мешок с картошкой, не прельщала Хелен. Она осмотрела подъем и скинула с плеч шинель:

– Если вы возьмете это, я думаю, что справлюсь.

Мартин быстро поднялся наверх, прихватив шинель и лампу. Он держал лампу так, чтобы освещать Хелен путь. Подобрал юбки на одну сторону и стараясь не оступиться, она осторожно начала подниматься.

Мартин, глядевший на нее сверху, беззвучно сыпал проклятиями. Он думал, что, если он поднимется наверх, это будет более правильно, поскольку это избавит ее от возможной неловкости, связанной с тем, что ее лодыжки и икры могли оказаться на виду. Но то, на что он смотрел сейчас – великолепная сливочного цвета грудь во всей красе, едва прикрытая низким вырезом платья, – выглядело

не менее соблазнительно. И ему предстояло провести рядом с этой женщиной ночь, не смея даже к ней прикоснуться?

Мартин стиснул зубы и заставил лицо принять подобающее выражение.

После того как Хелен благополучно поднялась наверх, он добрался до чердачного окна и приоткрыл его, пустив внутрь холодный ночной воздух и неверный лунный свет, пробивавшийся сквозь дождевые тучи. Загасив лампу, Мартин поставил ее на безопасное, освещенное луной место. Еще раньше он принес из коляски дорожное одеяло. Он расстелил на сене свою шинель и, взяв одеяло, протянул его своей спутнице:

– Вы можете лечь здесь. Укройтесь как следует, иначе замерзнете.

Хелен с благодарностью взяла одеяло, но, развернув его, поняла, что оно только одно.

– А как же вы? Разве вам не будет холодно?

Под покровом темноты Мартин скорчил гримасу. Он надеялся, что ночной воздух поможет ему остудить разыгравшееся воображение. Слишком хорошо осознавая направление своих мыслей и то, что голос может выдать его, он заставил себя придать ему большую непринужденность.

– Ночь на сеновале, заполненном сухим сеном, – ничто по сравнению с тяготами походной жизни. – С этими словами Мартин улегся на сено, вытянувшись во всю длину.

В тусклом свете луны Хелен увидела, как он улыбнулся ей. Она завернулась в одеяло и уютно устроилась на еще не успевшей остыть шинели.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Минут десять они лежали тихо. Мартин наблюдал через чердачное окно за облаками, наползавшими на луну. Потом снова во все небо сверкнула молния.

Лошади негромко заржали, но снова успокоились. Он услышал, как его спутница беспокойно зашевелилась.

- Что случилось? Вы боитесь мышей?

- Мышей? - громко воскликнула Хелен и села прямо.

Мартин мысленно послал проклятие своему длинному языку.

- Не беспокойтесь насчет их.

- Не беспокоиться... вы, должно быть, шутите!

Хелен вздрогнула. Мартин ясно видел это в лучах лунного света, проникавшего через чердачное окно.

Закутавшись в одеяло, Хелен старалась побороть нарастающий ужас. Она сидела неподвижно, тяжело дыша, пока очередной удар грома не расколол ночное небо.

- Если хотите знать, я боюсь грозы. - Это признание, сделанное сквозь отбивающие дробь зубы, она произнесла голосом почти срывающимся на визг. - И еще мне холодно.

Мартин услышал в ее голосе жалобные нотки. Она по-настоящему испугалась. Черт! Гроза лишь набирала силу. Если он ничего не предпримет, чтобы успокоить ее, у нее, чего доброго, начнется истерика. Прикидывая, что безопаснее для здоровья, целомудренно провести ночь с прекрасной Юноной или оказаться на полях сражений в Испании, Мартин тяжело вздохнул и встал. Он гадал, можно ли отнести то, что он намеревался сделать, к разряду самоистязаний. Заснуть будет трудно, а может быть, и вовсе невозможно. Он подошел к тому месту, где, окаменев под одеялом, сидела женщина. Опустившись рядом с ней на шинель, Мартин обхватил ее плечи рукой и прижал к себе. Потом, не обращая внимания на ее смущенные протесты, положил ее рядом с собой, склонив ее голову себе на плечо, так что ее локоны щекотали ему подбородок.

– Теперь спите, – строго произнес он. – Мыши вас не потревожат, гроза не достанет, и вам будет тепло.

Застыв от ужаса, Хелен не смела шелохнуться в его объятиях. Боже правый, она не знала, что ее больше пугает, гроза или буря эмоций, захлестнувших ее. Никакой предшествующий опыт не подготовил Хелен к тому, что ей придется провести ночь в объятиях незнакомца. Но даже если бы звезды попадали с небес, она не смогла бы заставить себя покинуть это благословенное укрытие. Она была в безопасности. В безопасности от всего, что могло угрожать ей извне. Постепенно на Хелен снизошла уверенность в том, что и вблизи ей ничто не угрожает.

Эта уверенность медленно проникла во все уголки ее охваченного испугом и смущением сознания. Ее зажатые мышцы расслабились, из конечностей ушло напряжение. Мужчина, в объятиях которого она лежала, не шевелился и не издавал ни звука. Он дышал ровно и глубоко. Щека Хелен ощущала уверенное биение его сердца. Ей нечего бояться.

Хелен успокоилась.

Когда она, обмякнув, прильнула к нему, Мартин мысленно выругался, стараясь, чтобы ни один мускул не дрогнул.

– Спокойной ночи, – сонно вздохнула Хелен.

– Спокойной ночи, – деревянным голосом отозвался Мартин.

Однако Хелен все никак не засыпала. Гроза продолжала терзать окрестные поля, а в сарае все было тихо и спокойно. Мартин, который никак не мог отвлечься от теплого и бесконечно манящего тела, лежавшего рядом, чувствовал, как женщина вздрагивала при каждом ударе грома. После очередного, особенно сильного раската Хелен пробормотала:

– Я только что поняла, что даже не знаю вашего имени.

Эту маленькую ложь Хелен могла объяснить соображениями приличий. На самом деле она уже несколько часов гадала, как изловчиться, чтобы поделикатнее

задать этот вопрос.

– Мартин Уиллисден к вашим услугам. – Несмотря на полыхавший в нем пожар, Мартину удалось улыбнуться. Он действительно был бы рад услужить ей любым способом.

– Уиллисден, – зевая, повторила Хелен. Вдруг ее глаза распахнулись сами собой. – О боже! Неужели вы Мартин Уиллисден? Новый граф Мертон? – Хелен повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

Ее восклицания позабавили Мартина.

– Боюсь, что так, – ответил он. Мартин опустил голову, но в темноте не мог разглядеть ее лица. – Судя по всему, молва обо мне бежит впереди меня.

– Молва о вас? – Хелен выдохнула. – Да будет вам известно, милостивый государь, что все старые девы уже две недели только о вас и говорят. Они просто умирают от нетерпения поскорее вас увидеть! Они думают: неужели эта паршивая овца, получив титул, собирается присоединиться к приличному обществу? Или он решил пренебречь всеми нами?

Мартин рассмеялся.

Хелен чувствовала, как смех сотрясает его грудь. Ее вдруг охватило желание протянуть руки и погладить ее, сплошь покрытую твердыми мускулами. Хелен решительно отвергла намерение, снова положив голову Мартину на плечо.

– Я не охотник до театральных эффектов. – Мартин немного подвинулся, чтобы ей было удобно. – С тех пор как я вернулся в Англию, у меня обнаружилось слишком много дел, которые нужно привести в порядок, чтобы я стал афишировать свое присутствие. Сейчас я возвращаюсь из своего родового поместья. Когда доберусь до Лондона, то, несомненно, присоединюсь ко всем общепринятым развлечениям.

– Общепринятым развлечениям? – эхом вторила ему Хелен. – Конечно. Могу себе представить.

– Неужели? – Не в силах сдержаться, Мартин повернулся к ней, но не смог увидеть ее лицо. Хотя он мог представить себе его – зеленые глаза с янтарными искорками под каштановыми бровями идеальной формы, прямой маленький нос и красивые полные губы, словно созданные для поцелуев. – Разве вы знаете, как развлекаются настоящие повесы?

Хелен с трудом удержалась, чтобы не сказать, что была замужем за одним из них.

– Более чем достаточно, – ответила она, полагая, что такой ответ вполне соответствует действительности. Она вдруг с удивлением подумала, что за странный разговор они ведут, и тихонько засмеялась. – Мне кажется, я должна обратить ваше внимание, что наша беседа становится совершенно неприличной. – Она произнесла эти слова без смущения и с легким сердцем, что вполне соответствовало ее настроению. Хелен прекрасно отдавала себе отчет в том, что сложившаяся ситуация выглядит в высшей степени неприличной, и тем не менее она казалась ей совершенно естественной и доставляла очевидное удовольствие.

С тихим вздохом Хелен пошевелилась, уютно устроившись рядом с ним.

Мартин стиснул зубы, стараясь не реагировать. Тихий смех, который он назвал бы смехом сирены, сорвался с ее губ.

– Я вдруг подумала, что ускользнула из рук одного фата, чтобы провести ночь в объятиях самого знаменитого ловеласа, которого когда-либо рождал Лондон. Возможно, из всего этого следует какая-нибудь мораль. – Она снова засмеялась и, к глубочайшему изумлению Мартина, заснула невинным сном младенца.

Мартин лежал неподвижно, глядя на грубые потолочные балки у себя над головой. Признание в том, что ей знакомы нравы повес и их забавы, показалось ему очень странным. Станным и интригующим. Прежде чем его воображение, так и рвавшееся на волю, завело его слишком далеко, Мартин решил отложить обдумывание этого странного заявления до лучших времен.

Он сосредоточил все свои усилия на том, чтобы заснуть. Сначала он попытался сделать вид, что никакой женщины рядом нет. Это оказалось невыполнимым. Потом попробовал думать о своей бывшей любовнице, мулатке Эрике. Это тоже

не сработало. Каким-то непонятным образом темные кудри Эрики и ее кофейного цвета кожа обернулись золотыми локонами и соблазнительными изгибами белого тела. Вместо маленькой с темными сосками груди Эрики перед глазами Мартина возникли более полные белые груди с едва различимыми розоватыми ореолами вокруг сосков. Его опытному глазу ничего не стоило дорисовать то, что скрывало шелковое платье, и этот образ стал настоящей пыткой для его сознания. В конце концов, поклявшись во что бы то ни стало узнать имя прекрасной Юноны и уложить ее в постель, как только она будет возвращена в свой дом и больше не будет находиться под его опекой, Мартин заставил себя не думать ни о чем.

Еще через час ему удалось забыться беспокойным сном.

Глава 3

Ранний солнечный луч вернул Мартина из забытья. К счастью, он открыл глаза, прежде чем успел пошевелинуться, что случалось с ним не часто. То, что он увидел, удержало его от инстинктивного движения в сторону теплого тела, лежавшего в его объятиях. Сдержав рвавшие с губ проклятия, Мартин высвободился из шелкового плена рук Хелен и поспешил как можно скорее спуститься вниз.

Проверив лошадей, он вышел на улицу. Небо разъяснилось, воздух был чист и свеж. Гроза напоила землю, и теперь светило яркое солнце. Хороший день для того, чтобы продолжить путешествие. Мартин размял ноги и уже собирался вернуться в сарай, чтобы разбудить свою компаньонку по этому приключению, когда вдруг вспомнил о состоянии дорог.

Всего несколько шагов по проселку заставили его пересмотреть свои планы. Привыкнув ездить по гравию или по большим дорогам с твердым покрытием, Мартин забыл, что они находятся на сельском проселке, мало чем отличающемся от тех, по которым перегоняли стада. Проселок, ведущий от сарая до большой дороги, превратился в болото, да и сама дорога выглядела немногим лучше. Более близкое обследование той части, которую он мог видеть, показало, что потребуется несколько часов, прежде чем она снова станет проезжей.

Оставалось лишь ждать. Мартин вернулся в сарай.

Он поднялся на сеновал и обнаружил, что прекрасная Юнона еще спит. Утреннее солнце, пробивавшееся через чердачное окно, позолотило ее локоны. Во сне ее губы слегка приоткрылись, дыхание стало поверхностным. Нежный румянец окрасил прекрасное лицо. Женщина показалась Мартину богиней, созданной из мрамора и золота. Он долго и пристально рассматривал видение, вбирая в себя черты ее лица, изгиб бровей и теплый блеск полных губ. К счастью, все остальное скрывалось в складках дорожного одеяла.

Кто она? Мартин осторожно спустился по лестнице. Пусть спит. После грозы ей нужно отдохнуть.

Снова ступив на твердую землю, Мартин потер лицо руками. По правде сказать, он тоже мог бы уделить сну еще несколько часов. Однако он понимал, что не сможет заснуть на сене рядом с прекрасной Юноной.

Когда Хелен проснулась, утро было уже в самом разгаре. Она минуту лежала в недоумении, не понимая, где находится, прежде чем воспоминания о событиях предшествующего вечера полностью вернули ее к реальности.

Хелен была на сеновале одна. Она резко села. Потом откуда-то издалека до нее донесся приглушенный голос. В следующую секунду она сообразила, что это Мартин на улице разговаривает с лошадьми. Хелен торопливо вылезла из-под дорожного одеяла. Аккуратно свернула и положила вместе с шинелью на край сеновала, рядом с лестницей. Потом, бросив последний взгляд, чтобы убедиться, что Мартин все еще на улице, она задрала юбки до колен и быстро спустилась вниз.

С облегчением коснувшись земли, Хелен опустила вниз юбки, безуспешно пытаясь разгладить мятые складки. Она вытащила из волос пучок соломы и поморщилась от мысли о том, как выглядит. Рядом с лестницей стояло ведро чистой воды, на краю которого висел льняной носовой платок. Хелен вымыла руки и ополоснула лицо. Она как раз вытирала его, когда услышала сзади шаги своего спасителя.

– А-а! Прекрасная Юнона проснулась. Я как раз собирался будить вас.

Хелен обернулась. При дневном свете красота ее спасителя оказалась еще более совершенной, чем при свете лампы. Широкие плечи выглядели еще шире, высокий рост тоже не был плодом ее фантазий. Ничего удивительного, что это заставило Хелен почувствовать себя маленькой и слабой. Орлиный профиль казался немного резким, хотя такое впечатление, возможно, создавалось из-за загара. Хелен моргнула и тут осознала, что серые глаза Мартина с усмешкой разглядывают ее. Она взмолилась, чтобы он не заметил, как она покраснела:

- Прошу прощения. Вы должны были разбудить меня пораньше.

- Это ни к чему.

Мартин протянул руку за упряжью, которую оставил на стенке стойла. Еще вчера он подумал, какого цвета будут ее глаза при свете дня. Два озера из янтаря и прозрачной зелени, подсвеченной золотом. Мартин возблагодарил судьбу, что не разглядел ее до того, как ему пришлось провести рядом с ней ночь. Румянец, вспыхнувший на ее щеках, подсказывал, что она испытывает очень похожие чувства. Он улыбнулся и испытал облегчение, когда Хелен улыбнулась в ответ.

- Дороги немного просохли, и мы можем попытаться проехать.

Хелен последовала за Мартином на улицу и остановилась, чтобы вдохнуть свежего утреннего воздуха. Она увидела, как тот борется, пытаясь запрячь отдохнувших лошадей, и пошла вперед, чтобы помочь. Хелен двигалась ровным шагом, чтобы еще больше не испугать и без того взвинченных животных. Взяв под уздцы одну лошадь, она принялась тихим голосом бормотать нежности и поглаживать ее бархатный нос.

Мартин одобритительно кивнул ей. Совместными усилиями они успешно запрягли коляску.

Не выпуская из рук поводьев, он подошел к Хелен, намереваясь поднять ее и посадить на сиденье.

- Э-э... Я оставила вашу шинель и одеяло на сеновале, - вдруг выпалила она, надеясь, что он не заметит, как она покраснела. От одной мысли, что он снова

прикоснется к ней, Хелен охватила паника. Понаблюдав за ним последние десять минут, она не могла понять, как у нее хватило мужества пережить эту ночь.

Черные брови поползли вверх, серые глаза задумчиво остановились на ее лице. Мартин протянул ей поводья:

– Я принесу их. Стойте спокойно и не двигайтесь.

Мартин вернулся через две минуты, которые стали для Хелен тяжелым испытанием. Он положил одеяло и шинель под сиденье, а потом протянул руку за поводьями. Хелен передала их. В следующий миг его руки сомкнулись у нее на талии, и она на секунду оказалась в невесомости, прежде чем аккуратно опуститься на сиденье.

Делая вид, что поглощена складками юбки, Хелен думала о том, насколько волнующими оказались для нее все эти новые переживания. Она не могла точно определить, что испытывала каждый раз, когда он прикасался к ней. Но у нее не возникало никаких сомнений в том, что это нечто совершенно неприличное. И очень приятное. И, похоже, вызывающее привыкание. Несомненно, это был один из тех трюков, к которым прибегали опытные волокиты, чтобы поработать восприимчивых женщин. Хотя нельзя сказать, чтобы ее бывший муж обладал этой способностью. Впрочем, потом, отдавая ему должное, Хелен изменила к нему отношение. Артур никогда не уделял ей, застенчивой шестнадцатилетней девочке, на которой женился ради приданого, много времени. Он неделями пропадал в обществе опытных куртизанок. И все же ни один из тех воздыхателей, которые появились у нее с тех пор, как она снова стала вращаться в обществе, не производил на нее такого впечатления, как Мартин Уиллисден.

Коляска пришла в движение. Взгляд Хелен упал на его руки, на длинные сильные пальцы, державшие поводья. Его ловкость еще усиливала впечатление очевидной мужской искушенности – той искушенности, которая светилась в мерцающей глубине этих серых глаз. Какой бы она ни была и откуда бы ни проистекала, ее следовало опасаться. Хелен не должна была забывать об этом.

Солнечный луч упал ей на лицо. Хелен подняла голову, вдыхая свежий аромат омытой дождем зелени. Ее молчаливая отповедь самой себе безусловно

пришлась очень кстати. Как ни старалась, Хелен не могла воспринимать угрозу со стороны Мартина серьезно. Это было приключение. Первое за многие годы. Даже осознавая, что это необходимо, Хелен не хотела ограничивать себя жесткими рамками, чтобы не испортить удовольствие. В конце концов, ситуация сложилась из ряда вон, и всякие условности и светская щепетильность неизбежно отходили на второй план. Так почему ей не насладиться свободой, предоставленной моментом?

- Нам надо добраться до Илчестера к позднему завтраку.

Хелен подумала, что лучше бы он не упоминал о еде. Исполнившись решимостью не позволять себе думать о своем пустом желудке, она попыталась найти какую-нибудь безобидную тему для разговора.

- Вы говорили, что ездили в свое фамильное поместье. Оно где-то здесь поблизости?

- По другую сторону от Таунтона.

- Вас ведь довольно долго не было, верно? Много здесь изменилось?

Мартин поморщился:

- К несчастью, тринадцать лет неудачного управления имением дают о себе знать. - Тишина, последовавшая за этими словами, предполагала, что он не в состоянии скрыть злость, вызванную этим фактом. Чтобы смягчить впечатление от сказанного, Мартин продолжил: - В доме живет моя мать, но уже несколько лет, как она стала инвалидом. Моя невестка исполняет при ней роль компаньонки, но, к сожалению, она так беспомощна, что оказалась не в состоянии даже убрать пыль после того, как прислуга разбежалась.

- Разбежалась? - Глаза прекрасной Юноны смотрели удивленно и недоверчиво.

Мартин неохотно усмехнулся.

- Боюсь, что, за исключением покоев моей матери, дом практически необитаем. Поэтому-то мне приходится так спешно возвращаться в Лондон. - Мысль о том,

что, если бы не это обстоятельство, он не имел бы чести спасти прекрасную Юнону, заставила Мартина смотреть на неурядицы в Эрмитаже менее придирчиво. Размышляя о нем более спокойно, что ему давно следовало сделать, он пожал плечами. – Нельзя сказать, чтобы дом сильно пострадал. На вид он еще достаточно крепок. В моем городском доме трудится артель декораторов. Когда они закончат, я отправлю их в Эрмитаж.

Заинтригованная его отсутствующим взглядом, Хелен осторожно спросила:

– Расскажите, какой он.

Мартин усмехнулся. Устремив взгляд на лошадей и неровности дороги, он вкратце описал Эрмитаж, но не таким, каким он увидел его, а таким, каким помнил.

– Во времена моего отца в доме царило веселье, – закончил он. – Я помню, что он постоянно был полон гостей. Надеюсь, что теперь, когда я вернулся, мне удастся восстановить его в прежнем виде.

Хелен внимательно слушала его, пораженная страстными нотами, звеневшими в его низком голосе.

– Это ваше любимое поместье? – спросила она, пытаясь понять причину.

Мартин задумался над ее вопросом, стараясь подобрать слова, способные выразить то, что он чувствовал.

– Я думаю, это то место, которое я мог бы назвать своим домом. Место, тесно связанное с моим отцом. И с самыми счастливыми воспоминаниями.

Тон, которым он произнес последнюю фразу, исключал дальнейшие расспросы. Хелен размышляла о том немногом, что она знает о новом графе Мертоне, и пришла к выводу, что этого явно недостаточно. Хелен знала, что он уезжал из Англии. Но куда и почему, она понятия не имела. Она слышала неопределенные пересуды о каком-то скандале в его прошлом, но, судя по нетерпению, охватившему хозяек светских салонов, они, очевидно, не считали его настолько существенным, чтобы отлучить новоявленного графа от своих балов и обедов.

Во все время разговора голову Мартина занимала его загадочная спутница. Прекрасная Юнона была не слишком юной, но и не старой. Его опытный глаз дал бы ей около двадцати пяти. Но казалось странным отсутствие кольца на ее левой руке. Она была, несомненно, красива и привлекательна во всех отношениях, к тому же принадлежала к узкому кругу избранных, которых приглашали в Чэтем-Хаус. Предположение о том, что она относится к дамам иного сорта, следовало отбросить даже не рассматривая. Его имя оказалось ей знакомо, что говорило о ее достаточно знатном происхождении. И все-таки прекрасная Юнона оставалась для него загадкой.

– А теперь, – сказал Мартин, нарушив их взаимное молчание, – нам надо подумать о том, как наилучшим образом вернуть вас домой. – Он взглянул ей в лицо. – Одно слово, и я доставлю вас к самым дверям. – Совершенно непроизвольно его голос сделался на несколько тонов ниже, что, несомненно, говорило о том, какое сильное воздействие она на него оказывает.

– Не думаю, что это было бы разумно, – отозвалась Хелен, стараясь сдержать свои чувства, вызванные его голосом. Хелен не сомневалась, что он нарочно дразнит ее.

– Может быть, и нет. Когда-то я надеялся, что Лондон хотя бы немного поумерит строгость своих нравов, но, похоже, за прошедшие годы эта надежда обратилась в прах. – Мартин улыбнулся, глядя в ее большие глаза и стараясь придать своему лицу как можно более невинное выражение. – Тогда что?

Хелен прищурилась и пристально посмотрела на него:

– Я полагаю, милорд, что человеку с вашей репутацией не составит труда преодолеть столь незначительное препятствие. Если вы немного поразмыслите, уверена, вы что-нибудь придумаете.

Это намеренно рискованное заявление провоцировало столь же дерзкий ответ. Серые глаза предупреждающе вспыхнули.

– Моя дорогая, боюсь, если бы вы лучше изучили мою репутацию, то обнаружили бы, что я никогда не мог похвастаться уважением к общепринятым правилам.

Осознав свою ошибку, Хелен снова отступила на стезю невинности. Было очень глупо с ее стороны давать этому повесе слишком много воли.

– Вы действительно не знаете? Должна признаться, я была уверена в обратном.

Какое-то мгновение серые глаза с подозрением вглядывались в нее. Затем их выражение немного изменилось. Хелен почувствовала, что время остановилось и весь окружающий мир растворился в тумане. Все ее чувства заполнил он и эти серые глаза. Потом его губы слегка изогнулись в насмешливой улыбке, и он отвел взгляд.

– Как вы заметили, прекрасная Юнона, мой опыт весьма обширен. – Мартин снова бросил взгляд в ее сторону, заметив, что она немного нахмурилась. – Возможно, будет лучше, если мы остановимся в какой-нибудь небольшой гостинице на подъезде к Хаунслоу. Там я смог бы нанять вам экипаж и провожатых. – Увидев, что она по-прежнему хмурится, он улыбнулся. – Адрес вы можете сообщить кучеру, когда доедете до Лондона.

– Да, – ответила Хелен, стараясь не показать, что его серые глаза, похоже, обладали над ней какой-то властью. На мгновение она словно оцепенела, лишилась воли и полностью подчинилась ему. И это чувство оказалось весьма приятным. – Я думаю, мы так и сделаем.

Ее вынужденное согласие вызвало у Мартина усмешку, но он тут же сжал губы. Какая податливая и удивительно невинная богиня. Его и без того заметный интерес к ней возрастал с каждой минутой.

– Нам надо добраться в Хаунслоу до темноты, – сказал он, чтобы исключить какие-либо сомнения.

Они ехали в тишине. Мартин обдумывал, как узнать ее имя. Хелен думала о нем. Она, безусловно, никогда в жизни не встречала такого красивого мужчину. И это касалось не только его не вызывавших сомнений физических достоинств. Ее восхищали его манеры, звуки его низкого голоса, а также огонь, который вспыхивал в его серых глазах.

– Много ли времени вы проводите в деревне, прекрасная дева?

Этот вопрос вернул Хелен к реальности.

– Я часто бываю... – Она вдруг замолчала. Потом осторожно продолжила: – В гостях у друзей.

– А-а.

Взгляд, который как бы невзначай остановился на ее лице, укрепил ее подозрения. Он пытался выведать о ней больше.

– Значит, большую часть года вы проводите в Лондоне?

– Больше, чем в гостях.

Беседа быстро скатилась к игре в вопросы и ответы. Мартин пытался по крупицам собрать сведения, а Хелен, вежливо отвечая на его расспросы, старательно избегала всего, что могло пролить свет на ее инкогнито.

– Вы бываете в опере?

– В сезон.

– Сидите в ложах ваших друзей?

Хелен бросила на него надменный взгляд:

– У меня своя ложа.

– Тогда я непременно увижу вас там. – Мартин улыбнулся, радуясь, что она пропустила удар.

Осознав свою оплошность, Хелен не оставалось ничего другого, как, наклонив голову, любезно произнести:

– Ко мне часто присоединяется графиня Ливен. Думаю, она будет очень рада познакомиться с вами.

– О! – Обескураженный упоминанием имени самой суровой из дам-патронесс клуба «Олмак», Мартин заметно огорчился. Потом его лицо просветлело. – Это же прекрасно. Я смогу испросить у нее позволения прийти в «Олмак», чтобы станцевать вальс. С вами.

Хелен на минуту задумалась, а потом рассмеялась. Вид Мартина Уиллисдена, который, словно волк среди ягнят, крадется в эту святая святых, вселяя ужас в сердца всех овец-матерей, показался ей на редкость привлекательным.

Теперь настала очередь Мартина бросить надменный взгляд.

– Думаете, я не смогу?

Хелен вдруг почувствовала прилив жара и поняла, что тонет в сером бархате его глаз. Она быстро отвела взгляд и уставилась вперед:

– Я бы ни за что не подумала, что вас могут привлечь тихие радости этой ярмарки невест.

– Они меня и не привлекают. Только надежда на величайшее из всех земных удовольствий может привести меня к ее порогу.

Хелен решила не делать попыток продолжить эту игру. Она притворилась, что увлечена рассматриванием окрестного пейзажа.

Мартин, лениво улыбнувшись, перевел взгляд на лошадей. Он не мог припомнить, чтобы получасовая беседа с женщиной когда-нибудь доставляла ему такое удовольствие. Собственно говоря, Мартин вообще не мог припомнить, чтобы удостаивал какую-нибудь другую женщину своей получасовой беседой. Прекрасная Юнона стала для него откровением. Она обладала живым и находчивым умом. Она выглядела непорочной, хотя те сведения, которые Мартину удалось выудить, подтверждали его предположение о том, что в свете она занимала положение, обыкновенно присущее взрослым дамам. Или вдовам.

С этой мыслью он позволил себе оценивающе скользнуть глазами по соблазнительной фигуре своей спутницы. Почувствовав на себе его взгляд, она подняла глаза. На ее розовых губах появилась немного нервная улыбка.

Хелен заметила, как хищно сверкнули его серые глаза, и безошибочно определила их посыл. Приняв вид, исполненный гордого достоинства, она подняла брови дугой, давая понять, что готова и дальше держать оборону в их словесной баталии. Однако сидевший рядом с ней Мартин лишь соблазнительно улыбнулся, сосредоточив все свое внимание на лошадях. Хелен отвела взгляд в сторону, и у нее на губах невольно появилась улыбка. Так свободно говорить с отъявленным повесой, не чувствуя себя стесненной общепринятыми рамками, и в то же время ощущать себя защищенной от любых физических последствий тем, что обе его руки были заняты поводьями, – все это вызывало в ней совершенно неприличное возбуждение. Оно было восхитительно пугающим, но в данном случае совершенно безопасным. Хелен поняла это уже много часов назад. В эту игру она могла играть совершенно безнаказанно. Она находилась под его защитой и инстинктивно понимала, что он почитает это за честь. Пока она находится под его покровительством, он ей не опасен.

Но потом? Да поможет ей Господь.

Впрочем, конечно, никакого «потом» не будет. Хелен заглушила невольный вздох. Будущее каждого из них определено. Стоит ему добраться до Лондона, как он станет центром притяжения для всех мамаш, обремененных незамужними дочерьми. И не напрасно. Он титулован, богат и безумно хорош собой. Их дражайшие дочери вывернутся наизнанку, лишь бы привлечь к себе эти серые глаза. И он, неизбежно, выберет одну из них себе в жены. Какую-нибудь послушную мисс с хорошим приданым и незапятнанной репутацией. Вдова, не располагающая значительной собственностью, с сомнительным с точки зрения света замужеством в прошлом, – незавидное приобретение.

Хелен внутренне одернула себя. Реальная жизнь начнется в Лондоне. Нет никакой надобности омрачать это приключение унылыми предсказаниями. Она попыталась представить себе, как Мартин Уиллисден ухаживает за какой-нибудь миленькой молодой особой. Честно говоря, картинка получалась неубедительной. Хелен с трудом могла поверить в то, что мужчина со вкусами, которые он достаточно ярко продемонстрировал во время их словесной игры, мог удовольствоваться женитьбой на юной особе. Скорее уж он похож на тех, кто заводит на стороне любовницу, а то и двух. И не ей судить его. Ее муж делал то же самое с ее благословения. Правда, если бы ее мужем был Мартин Уиллисден, он вряд ли мог бы рассчитывать на это.

Сделав над собой усилие, Хелен направила мысли в иное русло. Он хотел узнать ее имя. Хелен могла бы назвать его, но анонимность приятно ласкала ее сознание. Кроме того, она подумала, что как только он окажется в Лондоне и узнает, кто она такая, то сразу же поймет, насколько неуместным выглядит их знакомство, в невинность которого не поверит ни одна живая душа. К тому же, если она откажется назвать ему свое имя, он не будет чувствовать себя обязанным узнавать ее при встрече. И потом, многие мужчины полагают, что вдовы подходят лишь для забавы. Хелен не могла даже подумать о том, что Мартин сочтет ее возможной кандидаткой для своих внебрачных развлечений. В конце концов она решила, что ему нет нужды знать ее имя.

Мартин с любопытством думал, что за мысли владеют его притихшей богиней. Однако тихое утро навевало такой покой, что он не решился прервать ее раздумий. Да, он не узнал ее имени, но был уверен, что сможет отыскать ее в столице. Несмотря на то что Лондон кишел самыми разнообразными людьми, в самые уважаемые дома могли ступить лишь немногие. Он легко сможет выследить свою мраморно-золотую богиню.

Дорога стала шире, а потом нырнула вниз. Впереди блеснула река. Погруженный в размышления о предстоящем удовольствии вальсировать с прекрасной Юноной, Мартин машинально направил лошадей на мелководье, умерив их шаг.

Копыта лошадей стукнули о каменистую поверхность противоположного берега. Они замедлили ход, затем наклонились вперед и натянули поводья. Колеса коляски тут же застряли, тряхнув седоков с такой силой, что они сразу же осознали всю тяжесть своего положения.

Хелен ухватилась за бортик сиденья и, широко раскрыв глаза, повернулась к своему спасителю, не успевшему удержать сорвавшееся с языка междометие.

Мартин обреченно закрыл глаза. Он забыл, что брод через небольшие речки зачастую оставляли немощным. Сильный дождь намыл в речку много грязи, и колеса погрузились в нее дюймов на шесть.

С тяжелым вздохом Мартин открыл глаза:

– Мы застряли.

Хелен посмотрела на бурлящий вокруг них поток.

- Да, - вежливо согласилась она.

Мартин бросил на нее предостерегающий взгляд и, поморщившись, огляделся по сторонам. Вокруг них, никем не потревоженные, простирались леса и поля.

Над деревьями не поднималось ни единого дымка, свидетельствующего о присутствии в этих местах человеческого жилья. Память подсказывала Мартину, что до лондонской дороги оставалось еще несколько миль.

Он со стоном натянул поводья.

- Мне придется спуститься, чтобы поискать камни. Как вы думаете, вы сможете подержать лошадей?

Лицо Хелен озарила озорная улыбка.

- Я считала, что даже самый отъявленный нарушитель правил никогда не доверит своих лошадей обыкновенной женщине.

Мартин скорчил гримасу:

- Я бы и не доверил. Эти черти почувствуют отсутствие хозяина, и не успею я подложить камни, как они рванут вперед. - Он посмотрел в ее большие зеленые глаза. - Им нужно чувствовать, что кто-то держит поводья, а вы, кажется, умеете обходиться с лошадьми.

Хелен протянула руки за поводьями.

- Умею. Но если вы вспугнете их, когда будете подкладывать камни, я умчусь вперед и предоставлю вас вашей судьбе. Так что будьте внимательны!

Мартин посмеялся над ее мелодраматическим тоном и отпустил поводья. Он осторожно встал и, сняв сюртук, положил его на сиденье, прежде чем спрыгнуть вниз. Вода доходила ему выше щиколоток. С сожалением взглянув на свои блестящие сапоги, Мартин направился к берегу и занялся поиском камней,

которые можно было бы подложить под колеса.

Хелен наблюдала за ним, придерживая вожжи обеими руками. Время от времени она ощущала их легкое подрагивание, когда лошади, оправдывая ожидания своего хозяина, проверяли, не отпустили ли их на свободу. Им, очевидно, не нравилось это вынужденное стояние. Время шло, и Хелен передалось их нетерпение. В поисках камней Мартин уходил все дальше и дальше.

Хелен потеряла счет времени, но предполагала, что сейчас около полудня. Сколько им ехать до Лондона?

Потом она успокоилась, оставив в стороне все опасения. Все будет хорошо. Ей не о чем волноваться, обо всем позаботится судьба.

Окончательно успокоившись, Хелен начала тихонько напевать, а потом, когда Мартин исчез выше по реке, ее голос стал громче.

Возвращаясь назад с камнями, Мартин услышал веселый напев. Он ненадолго остановился там, где она не могла его видеть. Ее нежное контральто обволакивало его, позволяя волнам мелодии проникнуть в глубь сознания. Звуки ласкали его, как нежное прикосновение. Усмехнувшись, Мартин двинулся вперед. Песнь сирены, иначе не назовешь, подумал он.

Хелен внимательно следила, когда он появится снова, и, когда Мартин вопросительно поднял брови, она в ответ подняла свои и, вздернув подбородок, перестала петь.

Широко улыбаясь, Мартин постарался как можно лучше разместить камни под коляской и направился за остальными. По правде сказать, стойкость прекрасной Юноны казалась ему поразительной. А ведь он мог поклясться, что знает о женщинах все. Однако эта женщина не стала ныть из-за задержки в дороге или капризничать по поводу возможных последствий поездки. Последствий, которых ни он, ни она не могли избежать.

Еще три похода туда и обратно, и камней набралось достаточно, чтобы попытаться вырваться из вязкого плена. Упершись руками в бока, Мартин встал рядом с коляской и посмотрел вверх на свою помощницу:

– Мне придется подтолкнуть коляску сзади. Вы сможете удержать лошадей, когда они выберутся на берег?

Его удостоили взглядом, исполненным высокомерного снисхождения.

– Конечно, – ответила Хелен. Затем, спустившись с горних высот, поинтересовалась: – Вы думаете, они рванут с места?

Мартин с легкой усмешкой покачал головой:

– Нет, если вы будете держать поводья накоротке. – Он обошел коляску сзади. – Когда я скажу, слегка стегните их.

Замерев в напряженном нетерпении, Хелен послушно дождалась его команды и щелкнула поводьями. Лошади напряглись, и коляска медленно двинулась, колеса коснулись твердой земли, и она выехала из воды. Лошади сильно тянули вперед. Преодолевая внезапно охвативший ее страх перед могучими животными, натянувшими поводья, Хелен решительно потянула назад, стараясь удержать их. Она воспользовалась тормозом, чтобы зафиксировать колеса, и коляску немного занесло.

Но тут рядом с ней появился Мартин, забравший поводья из ее внезапно ослабевших рук.

– Молодец, девочка!

От этого одобрительного замечания ей стало тепло, а под взглядом его сверкнувших глаз – еще теплее. Хелен с досадой почувствовала, что краснеет. Ее охватила внезапная слабость, похожая не на обморок, а скорее на приступ истомы. Она подвинулась на сиденье, освобождая для него место, и с особой остротой ощутила тепло его большого, сильного тела.

На ее счастье, Мартин, видимо, был так доволен, что они могут без промедления продолжить свой путь, что предоставил ей возможность спокойно наводить порядок в своих навязчивых мыслях. Но если сама Хелен с трудом понимала, что происходит, то Мартин Уиллисден относился к тем, кто мог с легкостью распознать ее тревогу. Сейчас она могла быть уверена в своей безопасности, но

ей не хотелось угодить в ловушку в будущем.

Мартин изо всех сил старался все свое внимание обратить на управление экипажем. До лондонской дороги они добрались без происшествий, и вскоре коляска уже катилась с отменной скоростью. Тем не менее было уже больше двух часов, когда, смирившись с неизбежным, Мартин повернул во двор трактира «Лягушка и утка» в Винкэнтоне.

Обернувшись, он с улыбкой взглянул в вопрошающие глаза Юоны:

– Ланч. Как хотите, но я должен поесть, даже если вы, будучи светской дамой, не испытываете голода.

Глаза Хелен раскрылись немного шире.

– Моя светскость не простирается так далеко.

Мартин со смехом соскочил вниз. Он протянул руки, чтобы спустить прекрасную Юону на землю, уловив в ней легкое смущение. Стараясь не суетиться, Хелен подвинулась ближе к краю сиденья и позволила ему обхватить себя за талию.

Она снова ощутила возбуждение, но, сделав все возможное, чтобы не показать это, приняла предложенную помощь. Мартин довел ее до двери в трактир, потом остановился и пропустил вперед. Не успела Хелен войти внутрь, как старший лакей, взглядом приказав конюхам позаботиться о лошадях, подскочил к Мартину, ожидая приказаний.

Хелен в одиночестве переступила порог, мысленно порадовавшись сумеречной прохладе, царившей внутри. Она чувствовала, что охвачена жаром. Дверь вела прямоком в обеденный зал – большое уютное помещение с низким потолком и большим камином. На шум, раздавшийся снаружи, из своих покоев, располагавшихся в противоположном конце, вышел хозяин. Увидев Хелен, он остановился и вытаращил глаза. Тут Хелен заметила, что остальные посетители – человек шесть, все мужчины – тоже замерли. На лице хозяина расплылась неприятная плотоядная ухмылка, слабым эхом отразившаяся на лицах его клиентов.

Внезапно осознав, как она выглядит и какое впечатление может произвести на хозяина, Хелен встрепенулась, готовая защищать свое достоинство.

Однако такой необходимости не возникло. Вошедший в комнату Мартин встал рядом с ней. Одного его многозначительного взгляда оказалось достаточно, чтобы рассеять все сомнения, которые могли возникнуть у обитателей «Лягушки и утки». Мартин сердито взглянул на трактирщика:

– Хозяин, мне нужна отдельная комната, где моя жена чувствовала бы себя спокойно.

Этот приказ, произнесенный рокочущим басом, так быстро стер ухмылку с лица трактирщика, что тот не успел придать своему побледневшему лицу совсем никакого выражения.

Жена? Хелен не знала, как ей реагировать. Наконец, накрыв левой ладонью правую руку, она подняла вверх подбородок и посмотрела на трактирщика сверху вниз, что ей удалось сделать без труда, поскольку ростом он был ниже ее. Мужчина согнулся в подобострастном поклоне:

– Да, милорд! Конечно, милорд! Не соизволит ли мадам пройти сюда?

Беспрерывно кланяясь, он отвел их в небольшую чистенькую гостиную. Пока Мартин заказывал еду, Хелен с благодарным вздохом опустилась в мягкое кресло у камина, упорно стараясь не смотреть в зеркало, висевшее над каминной полкой. Она плохо себе представляла, как выглядит, но, понимая, что ничего не может исправить, старалась об этом не думать.

Мартин слышал ее вздох. Он взглянул на нее, потом обратился к хозяину:

– У нас произошла неприятность с каретой. Слуги с багажом отстали. – Он повернулся к усталой Юноне и более громким голосом произнес: – Дорогая, может быть, вы хотели бы немного привести себя в порядок наверху?

Хелен удивленно моргнула, но тут же согласилась. Ее отвели в маленькую спальню и снабдили горячей водой. Хелен смыла дорожную пыль с лица и рук, а потом решила осмотреть, насколько сильно пострадал ее внешний вид в

результате того, что с ней приключилось. Все оказалось не так плохо, как она ожидала. Ее блестящие глаза смотрели ясно, щеки разрумянились от ветра. Очевидно, путешествие по сельской местности в компании Мартина Уиллисдена пошло ей на пользу. В довершение всего Хелен распустила волосы и причесала их по-другому, убрав локоны в простой пучок. Абрикосовый шелк ее платья измялся, но исправить это было невозможно. Хелен могла разве что встряхнуть и расправить юбки.

Вернувшись в гостиную, она обнаружила, что еда уже стоит на столе. Мартин встал и с улыбкой подвинул ей стул:

– Вина?

Хелен кивнула, и он наполнил ее бокал. Затем, не отвлекаясь попусту, они принялись поглощать стоявшую перед ними пищу.

Наконец насытившись, Мартин откинулся на стуле и, отложив размышления о стоявших перед ними проблемах, стал с удовольствием потягивать вино, спокойно наблюдая за прекрасной Юноной. Его взгляд скользил по ее великолепной фигуре. На ум просились слова «роскошная», «пышная». И еще «цветущая», «соблазнительная» и другие, менее пристойные эпитеты. Он поспешил спрятать улыбку за своим бокалом.

– Мы ведь не доберемся сегодня до Лондона?

Этот вопрос привлек взгляд Мартина к ее губам. Полные, красиво очерченные, сейчас они были испачканы сливовым соком. Мартин вдруг ощутил сильнейшее желание попробовать их на вкус. Он решительно переключился на обдумывание того, о чем она спрашивала, и, подняв взгляд выше, встретился с ее зелеными глазами, озабоченно смотревшими на него.

– Нет, – с ободряющей улыбкой ответил Мартин.

Хелен почувствовала себя вправе проигнорировать его улыбку. Он сказал «нет» и улыбнулся. Разве он мог понять, какая паника скрывалась под личиной ее твердой решимости?

Судя по всему, Мартин это понимал, потому что дальше продолжил более серьезно:

– Мы потеряли слишком много времени на реке. И даже если я буду гнать лошадей всю ночь, это нас не спасет, потому что я не считаю, что наше прибытие в Лондон на рассвете улучшит сложившуюся ситуацию.

Хелен нахмурилась, вынужденная признать его правоту. Он не сможет нанять для нее экипаж, если они будут проезжать через Хаунслоу ночью.

– Но в случае если бы смог, даже наняв для вас экипаж, я не позволю вам ехать ночью одной. Этого не будет.

Хелен нахмурилась еще сильнее. Она открыла рот и произнесла:

– Даже с провожатыми?

Произнеся это, она взглянула на него. Однако взгляд Мартина и его крепко стиснутая челюсть говорили о том, что никакие возражения не способны его поколебать. Кроме того, если быть честной, Хелен совсем не хотелось провести ночь в дорожной тряске, со страхом моля Бога, чтобы не попасть в лапы разбойников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lourens_stefani/prekrasnaya-yunona

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)